

Джонатан Свифт

Путешествия Гулливера

Издатель к читателю

Автор этих путешествий мистер Лемюзль Гулливер — мой старинный и близкий друг; он приходится мне также сродни по материнской линии. Около трех лет тому назад мистер Гулливер, которому надоело стечение любопытных к нему в Редриф, купил небольшой клочок земли с удобным домом близ Ньюарка в Ноттингемшире, на своей родине, где и проживает сейчас в уединении, но уважаемый своими соседями.

Хотя мистер Гулливер родился в Ноттингемшире, где жил его отец, однако я слышал от него, что предки его были выходцами из Оксфордского графства. Чтобы удостовериться в этом, я осмотрел кладбище в Банбери в этом графстве и нашел в нем несколько могил и памятников Гулливеров.

Перед отъездом из Редрифа мистер Гулливер дал мне на

сохранение нижеследующую
рукопись, предоставив распорядиться
ей по своему усмотрению. Я три раза
внимательно прочел ее. Слог оказался
очень гладким и простым, я нашел в
нем только один недостаток: автор,
следуя обычной манере
путешественников, слишком уж
обстоятелен. Все произведение,
несомненно, дышит правдой, да и как
могло быть иначе, если сам автор
известен был такой правдивостью, что
среди его соседей в Редрифе
сложилась даже поговорка, когда
случалось утверждать что-нибудь: это
так же верно, как если бы это сказал
мистер Гулливер.

По совету нескольких
уважаемых лиц, которым я, с согласия
автора, давал на просмотр эту
рукопись, я решаюсь опубликовать ее,
в надежде, что, по крайней мере, в
продолжение некоторого времени, она
будет служить для наших молодых
дворян более занимательным
развлечением, чем обычное
буагомарание политиков и
партийных писак.

Эта книга вышла бы, по крайней
мере, в два раза объемистее, если б я

не взял на себя смелость выкинуть бесчисленное множество страниц, посвященных ветрам, приливам и отливам, склонениям магнитной стрелки и показаниям компаса в различных путешествиях, а также подробнейшему описанию на морском жаргоне маневров корабля во время бури. Точно так же я обошелся с долготами и широтами. Боюсь, что мистер Гулливер останется этим несколько недоволен, но я поставил своей целью сделать его сочинение как можно более доступным для широкого читателя. Если же благодаря моему невежеству в морском деле я сделал какие-либо промахи, то ответственность за них падает всецело на меня; впрочем, если найдется путешественник, который пожелал бы ознакомиться с сочинением во всем его объеме, как оно вышло из-под пера автора, то я охотно удовлетворю его любопытство.

Дальнейшие подробности, касающиеся автора, читатель найдет на первых страницах этой книги.

Ричард Симпсон

Письмо капитана Гулливера к своему родственнику Ричарду Симпсону

Вы не откажетесь, надеюсь, признать публично, когда бы вам это ни предложили, что своими настойчивыми и частыми просьбами вы убедили меня опубликовать очень небрежный и неточный рассказ о моих путешествиях, посоветовав нанять нескольких молодых людей из которого-нибудь университета для приведения моей рукописи в порядок и исправления слога, как поступил, по моему совету, мой родственник Демпиер со своей книгой «Путешествие вокруг света»¹. Но я не помню, чтобы предоставил вам право соглашаться на какие-либо пропуски и тем менее на какие либо вставки. Поэтому, что касается последних, то настоящим заявлением я отказываюсь от них совершенно, особенно от

¹ *Демпиер* (1652–1715) — английский мореплаватель, в годы между 1685–1691 побывавший в Гвинее, американских колониях Испании на побережье Тихого океана, в Китае, Австралии, Индии и описавший свои странствия и приключения в книге «Новое путешествие вокруг света» (1697). Свифт в «Путешествиях Гулливера» иногда пародирует его стиль.

вставки, касающейся блаженной и славной памяти ее величества покойной королевы Анны, хотя я уважал и ценил ее больше, чем всякого другого представителя человеческой породы². Ведь вы, или тот, кто это сделал, должны были принять во внимание, что мне несвойственно, да и было неприлично, хвалить какое либо животное нашей породы перед моим хозяином гуигнгнмом. Кроме того, самый факт совершенно неверен, насколько мне известно (в царствование ее величества я жил некоторое время в Англии), она управляла при посредстве первого министра, даже двух последовательно: сначала первым министром был лорд Годольфин, а затем лорд Оксфорд³. Таким

² «...покойной королевы Анны...» — В первом издании, желая смягчить сатирическое описание придворных нравов (см. ч. IV, гл. VI), издатель вставил в текст хвалебные слова о покойной королеве Анне (1665–1714), которую Свифт, как он пишет в предисловии, отнюдь не так уважал, почему он и снял эту вставку Мотта.

³ *Лорд Годольфин* (1645–1712) — видный деятель партии тори, премьер-министр в первые восемь лет царствования королевы Анны. В 1710 г. неожиданно смещен; на его должность был назначен Роберт Харли, граф Оксфордский, тоже принадлежавший к партии тори. Свифт был лично знаком с обоими.

образом, вы заставили меня говорить то, чего не было. Точно так же в рассказе об Академии Прожектеров и в некоторых частях моей речи к моему хозяину гуигнгнму вы либо опустили некоторые существенные обстоятельства, либо смягчили и изменили их таким образом, что я с трудом узнаю собственное произведение. Когда же я намекнул вам об этом в одном из своих прежних писем, то вам угодно было ответить, что вы боялись нанести оскорбление, что власть имущие весьма зорко следят за прессой и готовы не только истолковать по-своему все, что кажется им намеком (так, помнится, выразились вы), но даже подвергнуть за это наказанию⁴. Но позвольте, каким образом то, что я говорил столько лет тому назад на расстоянии пяти тысяч миль отсюда, в другом государстве, можно отнести к кому-либо из еху, управляющих теперь, как говорят, нашим стадом, особенно в то время, когда я совсем не думал и не опасался, что мне выпадет несчастье

⁴ «...власть имущие весьма зорко следят за прессой...» — Законы о цензуре существовали в Англии с XVI в. Во времена Свифта государственный секретарь имел право предъявить авторам обвинение в клевете или же конфисковать произведение, объявленное клеветническим. Это положение существовало до 1765 г.

жить под их властью⁵. Разве не достаточно у меня оснований сокрушаться при виде того, как эти самые еху разъезжают на гуигнгнмах, как если бы они были разумными существами, а гуигнгнмы — бессмысленными тварями. И в самом деле, главной причиной моего удаления сюда было желание избежать столь чудовищного и омерзительного зрелища.

Вот что почел я своим долгом сказать вам о вашем по ступке и о доверии, оказанном мною вам.

Затем мне приходится пожалеть о собственной большой оплошности, выразившейся в том, что я поддался просьбам и неосновательным доводам как вашим, так и других лиц, и, вопреки собственному убеждению, согласился на издание моих Путешествий. Благоволите вспомнить, сколько раз просил я вас, когда вы настаивали на издании Путешествий в интересах общественного блага, принять во внимание, что еху представляют породу животных, совершенно неспособных к исправлению путем наставления или примеров.

⁵ «...еху, управляющих теперь, как говорят, нашим стадом...» — Еху — люди, опустившиеся до скотского состояния, описанные в IV части «Путешествий Гулливера». Здесь, по-видимому, дерзкий намек на Ганноверскую династию, воцарившуюся в Англии с 1714 г.

Ведь так и вышло. Уже шесть месяцев, как книга моя служит предостережением, а я не только не вижу, чтобы она положила конец всевозможным злоупотреблениям и порокам, по крайней мере, на нашем маленьком острове, как я имел основание ожидать, — но и не слыхал, чтобы она произвела хотя бы одно действие, соответствующее моим намерениям. Я просил вас известить меня письмом, когда прекратятся партийные распри и интриги, судьи станут просвещенными и справедливыми, стряпчие — честными, умеренными и приобретут хоть капельку здравого смысла, Смитсфильд⁶ озарится пламенем пирамид собрания законов, в корне изменится система воспитания знатной молодежи, будут изгнаны врачи, самки еху украсятся добродетелью, честью, правдивостью и здравым смыслом, будут основательно вычищены и выметены дворцы и министерские приемные, вознаграждены ум, заслуги и знание, все, позорящие печатное слово в прозе или в стихах, осуждены на то, чтобы питаться только бумагой и утолять жажду чернилами. На эти и на тысячу других преобразований я твердо рассчитывал, слушая ваши уговоры, ведь они прямо вытекали из

⁶ *Смитсфильд* — площадь в Лондоне, на которой сжигали на кострах еретиков и ведьм.

наставлений, преподанных в моей книге. И должно признать, что семь месяцев — достаточный срок, чтобы избавиться от всех пороков и безрассудств, которым подвержены еху, если бы только они имели малейшее расположение к добродетели и мудрости. Однако на эти ожидания не было никакого ответа в ваших письмах; напротив, каждую неделю вы обременяли нашего разносчика писем пасквилями, ключами, размышлениями, замечаниями и вторыми частями⁷; из них я вижу, что меня обвиняют в поношении сановников, в унижении человеческой природы (ибо у авторов хватает еще дерзости величать ее так) и в оскорблении женского пола. При этом я нахожу, что сочинители этого хлама даже не столковались между собой: одни из них не желают признавать меня автором моих «Путешествий», другие же приписывают мне книги, к которым я совершенно

⁷ «...обременяли нашего разносчика писем пасквилями, ключами, размышлениями, замечаниями и вторыми частями... » — Один из подобных комментариев действительно был издан три недели спустя после выхода в свет «Гулливера»; в 1727 г. от имени Гулливера был издан третий том его «Путешествий», представляющий собой пересказ «Истории севорамбов» Д. Вераса и «Путешествие в Кэклогаллинию». Это и есть те книги, к которым, по словам Гулливера, он не имел никакого касательства.

непричастен.

Далее, я обращаю внимание на крайнюю небрежность вашего типографа, допустившего большую путаницу в хронологии и ошибки в датах моих путешествий и возвращений и нигде не проставившего правильно ни год, ни месяц, ни число. Между тем я слышал, что оригинал совершенно уничтожен по отпечатании книги, а копии у меня не осталось. Тем не менее я посылаю вам несколько исправлений, которыми вы можете воспользоваться, если когда-либо понадобится второе издание книги. Впрочем, я не буду настаивать на них и отдаю вопрос на суд рассудительных и беспристрастных читателей; пусть они поступают, как им угодно.

Слышал я, что некоторые из наших еху-моряков находят ошибки в моем морском языке ⁸, считая его во многих случаях неправильным и в настоящее время устаревшим. Ничего не могу поделать. Во время моих первых путешествий, когда я был молод, я прошел выучку у старшего поколения моряков и усвоил их язык. Но впоследствии я убедился, что морские еху так

⁸ «...находят ошибки в моем морском языке...» — Свифт заимствовал морскую терминологию из книги Стерми «Настоящий моряк» (1669).

же склонны выдумывать новые слова, как и сухопутные еху, которые чуть ли не ежегодно настолько меняют свой язык, что при каждом возвращении на родину я, помнится, находил большие перемены в прежнем диалекте и едва мог понимать его. Равным образом, когда какой-нибудь еху любопытства ради приезжает ко мне из Лондона, я замечаю, что мы не способны излагать друг другу наши мысли в выражениях, понятных для нас обоих.

Если бы суждения еху способны были сколько-нибудь задевать меня, то я имел бы достаточно оснований жаловаться на дерзость некоторых моих критиков, полагающих, что книга моя представляет только плод моей фантазии и даже позволяющих себе высказывать предположение, будто гуигнгны и еху обладают не больше реальностью, чем обитатели Утопии⁹.

Правда, что касается лилипутов, бробдингрежцев ¹⁰ (ибо следует произносить

⁹ *Утопия* — вымышленное государство, описанное английским гуманистом Томасом Мором в одноименной книге (1516).

¹⁰ *Лилипуты, бробдинггежцы* — обитатели фантастических стран, описанных в I и II частях «Путешествий Гулливера». Английский литературовед Генри

Бробдингрег, а не Бробдинггег, как ошибочно напечатано) и лапутян, то я должен признаться, что мне еще не приходилось встречать ни одного еху, как бы он ни был самоуверен, который решился бы отрицать их существование или оспаривать факты, рассказанные мной относительно этих народов, ибо истина тут настолько очевидна, что сразу же убеждает всякого читателя. Неужели же мой рассказ о гуигнгнмах и еху менее правдоподобен? Ведь что касается еху, то очевидно, что даже в нашем отечестве их существуют тысячи и они отличаются от своих диких братьев из Гуигнгнмии

Морли высказал убедительное предположение, что Свифт образовал вымышленное название «лилипут» (lilliput) от двух корней:

1) Lille (little) по-английски — маленький;

2) put — презрительная кличка, происходящая от латинского слова putidus (испорченный), итальянского — putta, старофранцузских — put и pute; на этих языках таким словом называли мальчиков и девочек, предающихся порокам взрослых.

Точно так же маленькие лилипуты в общественной и частной жизни предаются тем же порокам, которые характерны для английского аристократического и буржуазного общества начала XVIII в. Слово «бробдинггег» (brobdingneg), по-видимому, представляет собой анаграмму; оно содержит буквы, входящие в слова grand, bid, noble (большой, крупный, благородный), у слова noble отброшен только последний слог — le.

только тем, что обладают способностью к бессвязному лепету и не ходят голыми. Я писал с целью их исправления, а не с тем, чтобы получить их одобрение. Единодушные похвалы всей их породы значили бы для меня меньше, чем ржание тех двух выродившихся гуигнгнмов, которых я держу у себя на конюшне; как они ни выродились, я не нахожу в них никаких пороков и могу еще кое-что позаимствовать у них по части добродетели.

Уж не дерзают ли эти жалкие животные думать, будто я настолько пал, что выступлю на защиту своей правдивости? Хотя я и еху, но во всей Гуигнгнмии отлично известно, что благодаря наставлениям и примеру моего досточтимого хозяина я в течение двух лет оказался способным (хоть это и стоило мне огромного труда) отделаться от адской привычки лгать, лукавить, обманывать и кривить душой — привычки, которая так глубоко коренится в самом естестве всей нашей породы, особенно у европейцев.

Я мог бы высказать еще и другие жалобы по поводу этого досадного обстоятельства, но не хочу больше докучать ни себе, ни вам. Должен откровенно признаться, что по моем возвращении из последнего путешествия некоторые пороки, свойственные моей натуре еху, ожили во мне благодаря совершенно неизбежному для меня

общению с немногими представителями вашей породы, особенно с членами моей семьи. Иначе я бы никогда не предпринял нелепой затеи реформировать породу еху в нашем королевстве. Но теперь я навсегда покончил с этими химерическими планами.

2 апреля 1727 года

Часть первая

Путешествие в Лилипутию

Глава 1

Автор сообщает кое-какие сведения о себе и о своем семействе. Первые побуждения к путешествиям. Он терпит кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает берега страны лилипутов. Его берут в плен и увозят внутрь страны.

Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был третий из его пяти сыновей. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, он

послал меня в колледж Эмануила в Кембридже¹¹, где я пробыл три года, прилежно отдаваясь своим занятиям; однако издержки на мое содержание (хотя я получал очень скудное довольствие) были непосильны для скромного состояния отца, и поэтому меня отдали в учение к мистеру Джемсу Бетсу, выдающемуся хирургу в Лондоне, у которого я провел четыре года. Небольшие деньги, присылаемые мне по временам отцом, я тратил на изучение навигации и других отраслей математики, полезных людям, собирающимся путешествовать, так как я всегда думал, что рано или поздно мне выпадет эта доля. Покинув мистера Бетса, я возвратился к отцу и дома раздобыл у него, у дяди Джона и у других родственников сорок фунтов стерлингов и заручился обещанием, что мне будут ежегодно посылать в Лейден тридцать фунтов. В этом городе в течение двух лет и семи месяцев я изучал медицину, зная, что она мне пригодится в дальних путешествиях.

¹¹ «...четырнадцать лет... в колледж Эмануила в Кембридже...» — В те времена это был обычный возраст поступления в университеты.

Лейден — голландский город, в XVII–XVIII вв. славился своим университетом (особенно медицинским факультетом), привлекавшим к себе студентов-иностранцев, включая и англичан.

Вскоре по возвращении из Лейдена я, по рекомендации моего почтенного учителя мистера Бетса, поступил хирургом на судно Ласточка, ходившее под командой капитана Авраама Паннеля. У него я прослужил три с половиной года, совершив несколько путешествий в Левант и другие страны¹². По возвращении в Англию я решил поселиться в Лондоне, к чему поощрял меня мистер Бетс, мой учитель, который порекомендовал меня нескольким своим пациентам. Я снял часть небольшого дома на Олд-Джюри и по совету друзей женился на мисс Мери Бертон, второй дочери мистера Эдмунда Бертона, чулочного торговца на Ньюгет-стрит, за которой получил четыреста фунтов приданого.

Но так как спустя два года мой добрый учитель Бетс умер, а друзей у меня было немного, то дела мои пошатнулись: ибо совесть не позволяла мне подражать нехорошим приемам многих моих собратьев. Вот почему, посоветовавшись с женой и некоторыми знакомыми, я решил снова стать моряком. В течение шести лет я был хирургом на двух кораблях и совершил несколько путешествий

¹² *Левант* — острова и побережье восточного Средиземноморья в Малой Азии, центр торговли между Западом и Востоком.

в Ост— и Вест-Индию, что несколько улучшило мое материальное положение. Часы досуга я посвящал чтению лучших авторов, древних и новых, так как всегда запасался в дорогу книгами; на берегу же наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык, что благодаря хорошей памяти давалось мне очень легко.

Последнее из этих путешествий вышло не очень удачным, и я, утомленный морской жизнью, решил сидеть дома с женой и детьми. Я перебрался с Олд-Джюри на Феттер-Лейн, а оттуда в Уоппин, надеясь иметь практику между моряками, но эта надежда не оправдалась. Прождав три года улучшения моего положения, я принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца судна *Антилопа*, отправиться с ним в Южное море. 4 мая 1699 года мы снялись с якоря в Бристоле, и наше путешествие было сначала очень удачно.

По некоторым причинам было бы неуместно утруждать читателя подробным описанием наших приключений в этих морях; довольно будет сказать, что при переходе в Ост-Индию мы были отнесены страшной бурей к северо-западу от Вандименовой Земли¹³. Согласно наблюдениям, мы находились

¹³ *Вандименова Земля* — часть Австралии, исследованная в 1642 г. голландским мореплавателем Абелем Тасманом и

на 30°2' южной широты. Двенадцать человек нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи; остальные были крайне обессилены. 5 ноября (начало лета в этих местах) стоял густой туман, так что матросы только на расстоянии полукабельтова от корабля заметили скалу; но ветер был такой сильный, что нас понесло прямо на нее, и корабль мгновенно разбился. Шестерым из экипажа, в том числе и мне, удалось спустить лодку и отойти от корабля и скалы. По моим расчетам, мы шли на веслах около трех лиг, пока совсем не выбились из сил, так как были переутомлены уже на корабле. Поэтому мы отдались на волю волн, и через полчаса лодка была опрокинута внезапно налетевшим с севера порывом ветра. Что случилось с моими товарищами по лодке, а равно и с теми, которые нашли убежище на скале или остались на корабле, не могу сказать; думаю, что все они погибли. Что касается меня самого, то я поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ноги, но не мог нащупать дно; когда я совсем уже выбился из сил и неспособен был больше бороться с волнами, я почувствовал под ногами землю, а буря тем временем

названная им так в честь губернатора Ост-Индии Энтони Ван-Димена.

значительно утихла. Дно в этом месте было так покато, что мне пришлось пройти около мили, прежде чем я добрался до берега; по моим предположениям, это случилось около восьми часов вечера. Я прошел еще с полмили, но не мог открыть никаких признаков жилья и населения; или, по крайней мере, я был слишком слаб, чтобы различить что-нибудь. Я чувствовал крайнюю усталость; от усталости, жары, а также от выпитой еще на корабле полупинты коньяку меня сильно клонило ко сну. Я лег на траву, которая была здесь очень низкая и мягкая, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни. По моему расчету, сон мой продолжался около девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я попробовал встать, но не мог шевельнуться; я лежал на спине и обнаружил, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые волосы¹⁴. Равным образом я почувствовал, что мое

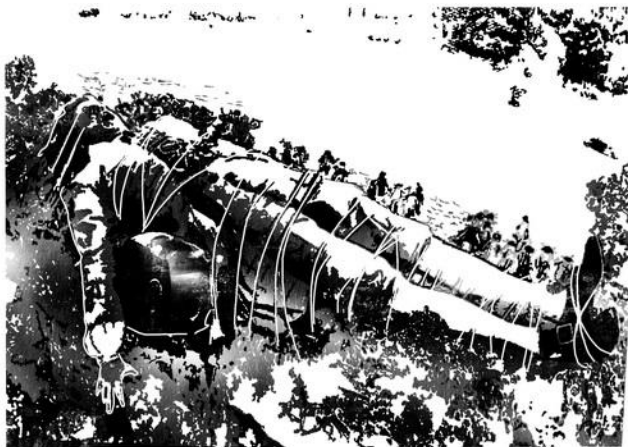
¹⁴ «Я попробовал встать...» — Этот эпизод, вероятно, навеян рассказом древнегреческого писателя Филострата («Eikoves», то есть «Картины») о том, как Геркулеса связали напавшие на него пигмеи:

Пигмеи жаждали отомстить за смерть Антея. Найдя спящего Геркулеса, они собрали против него все свои силы. Одна фаланга напала на его левую руку;

тело, от подмышек до бедер, опутано целой сетью тонких бечевок. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его ослеплял глаза. Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но положение, в котором я лежал, не позволяло мне видеть ничего, кроме неба. Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня по левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человеческое существо, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается, по крайней мере, еще около сорока подобных же (как мне показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они все в ужасе побежали назад; причем некоторые из них, как я узнал потом,

против правой, более сильной, они направили две фаланги. Лучники и пращники, изумленные огромными размерами его бедер, осадили ноги Геркулеса. Вокруг же его головы, словно вокруг арсенала, они водрузили батареи, и сам царь занял около них свое место. Они подожгли его волосы, стали бросать серпы в его глаза, а чтобы он не мог дышать, заткнули ему рот и ноздри. Но вся эта возня могла только разбудить его. И когда он проснулся, то, презрительно смеясь над их глупостью, сгреб их всех в львиную шкуру и понес к Эврисфею.

соскакивая и падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно все мое лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким, но отчетливым голосом прокричал: «Гекина дегуль»; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не знал тогда, что они значат.

Читатель может себе представить, в каком неудобном положении я лежал все это время. Наконец после большого усилия мне посчастливилось порвать веревочки и выдернуть колышки, к которым была привязана моя левая

рука; поднеся ее к лицу, я понял, каким способом они связали меня. В то же время, рванувшись изо всей силы и причинив себе нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы к земле с левой стороны, что позволило мне повернуть голову на два дюйма. Но созданыца вторично спаслись бегством, прежде чем я успел изловить кого-нибудь из них. Затем раздался пронзительный вопль, и, когда он затих, я услышал, как кто-то из них громко повторил: «Толго фонак». В то же мгновение я почувствовал, что на мою левую руку посыпались сотни стрел, которые кололи меня, как иголки; после этого последовал второй залп в воздух, вроде того как у нас в Европе стреляют из мортир, причем, я полагаю, много стрел упало на мое тело (хотя я не почувствовал этого) и несколько на лицо, которое я поспешил прикрыть левой рукой. Когда этот град прошел, я застонал от обиды и боли и снова попробовал освободиться, но тогда последовал третий залп, сильнее первого, причем некоторые из этих существ пытались колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была кожаная куртка, которую они не могли пробить. Я рассудил, что самое благоразумное — пролежать спокойно до наступления ночи, когда мне нетрудно будет освободиться при помощи уже отвязанной левой руки; что же касается туземцев, то я имел

основание надеяться, что справлюсь с какими угодно армиями, которые они могут выставить против меня, если только они будут состоять из существ такого же роста, как то, которое я видел. Однако судьба распорядилась мной иначе. Когда эти люди заметили, что я лежу спокойно, они перестали метать стрелы, но в то же время по усилившемуся шуму я заключил, что число их возросло. На расстоянии четырех ярдов от меня напротив моего правого уха я услышал стук, продолжавшийся больше часа, точно возводилась какая-то постройка. Повернув голову, насколько позволяли державшие ее веревочки и колышки, я увидел деревянный помост, возвышавшийся над землей на полтора фута, на котором могло уместиться четверо туземцев, и две или три лестницы, чтобы всходить на него¹⁵. Оттуда один из них, по-видимому знатная особа, обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял. Но я должен упомянуть, что перед началом своей речи высокая особа трижды прокричала:

15 «...деревянный помост... » — Здесь, возможно, саркастический намек на распространившийся после революции 1688 г. среди вигской аристократии обычай — выступать во время выборных кампаний на площадях с публичными речами.

«Лангро де гюль сан» (эти слова, равно как и предыдущие, впоследствии мне повторили и объяснили). Сейчас же после этого ко мне подошли человек пятьдесят туземцев и обрезали веревки, прикреплявшие левую сторону головы, что дало мне возможность повернуть ее направо и, таким образом, наблюдать лицо и жесты оратора. Он мне показался человеком средних лет, ростом выше трех других, сопровождавших его; один из последних, чуть побольше моего среднего пальца, вероятно паж, держал его шлейф, два других стояли по сторонам в качестве его свиты. Он по всем правилам разыграл роль оратора: некоторые периоды его речи выражали угрозу, другие — обещание, жалость и благосклонность. Я отвечал в немногих словах, но с видом покорности, воздев к солнцу глаза и левую руку и как бы призывая светило в свидетели; и так как я почти умирал от голода, — в последний раз я поел за несколько часов перед тем, как оставить корабль, — то требования природы были так повелительны, что я не мог сдержать своего нетерпения и (быть может, нарушая правила благопристойности) несколько раз поднес палец ко рту, желая показать, что хочу есть. Гурго (так они называют важного сановника, как я узнал потом) отлично понял меня. Он сошел с помоста и приказал поставить к бокам моим несколько лестниц, по которым взобрались и

направились к моему рту более ста туземцев, нагруженных корзинами с кушаньями, которые были приготовлены и присланы по повелению монарха, как только до него дошло известие о моем появлении. В кушанья эти входило мясо каких-то животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Там были лопатки, окорока и филей, с виду напоминавшие баранину, очень хорошо приготовленные, но каждая часть едва равнялась крылу жаворонка. Я проглатывал разом по два и по три куса вместе с тремя караваями хлеба величиной не больше ружейной пули. Туземцы прислуживали мне весьма расторопно и тысячами знаков выражали свое удивление моему росту и аппетиту.

Потом я стал делать другие знаки, показывая, что хочу пить. По количеству съеденного они заключили, что малым меня удовлетворить нельзя, и, будучи народом весьма изобретательным, необычайно ловко втащили на меня, а затем подкатили к моей руке одну из самых больших бочек и вышибли из нее дно; я без труда осушил ее одним духом, потому что она вмещала не более нашей полупинты. Вино по вкусу напоминало

бургундское, но было гораздо приятнее. Затем они поднесли мне другую бочку, которую я выпил таким же манером, и сделал знак, чтобы дали еще, но у них больше не было. Когда я совершал все описанные чудеса, человечки кричали от радости и танцевали у меня на груди, много раз повторяя свое первое восклицание: «Гекина дегуль». Знаками они попросили меня сбросить обе бочки на землю, но сначала приказали толпившимся внизу посторониться, громко крича: «Бора мивола»; а когда бочки взлетели в воздух, раздался единодушный возглас: «Гекина дегуль». Признаюсь, меня не раз искушало желание схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они разгуливали взад и вперед по моему телу, и швырнуть их оземь. Но сознание, что они могли причинить мне еще большие неприятности, чем те, что я уже испытал, а равно торжественное обещание, данное мною им, — ибо так толковал я свое покорное поведение, — скоро прогнали эти мысли. С другой стороны, я считал себя связанным законом гостеприимства с этим народцем, который не пожалел для меня издержек на великолепное угощение. Вместе с тем я не мог достаточно надивиться неустрашимости крошечных созданий, отважившихся взбираться на мое тело и прогуливаться по нему, в то время как одна моя рука была свободна, и не испытывавших

трепета при виде такой громадины, какой я должен был им представляться. Спустя некоторое время, когда они увидели, что я не прошу больше есть, ко мне явилась особа высокого чина от лица его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на нижнюю часть моей правой ноги, направился к моему лицу в сопровождении десятка человек свиты. Он предъявил свои верительные грамоты с королевской печатью, приблизив их к моим глазам, и обратился с речью, которая продолжалась около десяти минут и была произнесена без малейших признаков гнева, но твердо и решительно, причем он часто указывал пальцем вперед, как выяснилось потом, по направлению к столице, находившейся от нас на расстоянии полумили, куда, по постановлению его величества и государственного совета, меня должны были перевезти. Я ответил в нескольких словах, которые остались непонятыми, так что мне пришлось прибегнуть к помощи жестов: я показал своей свободной рукой на другую руку (но сделал это движение высоко над головой его превосходительства, боясь задеть его или его свиту), затем на голову и тело, давая понять таким образом, чтобы меня освободили.

Вероятно, его превосходительство понял меня достаточно хорошо, потому что, покачив отрицательно головой, жестами пояснил, что я

должен быть отвезен в столицу как пленник. Наряду с этим он делал и другие знаки, давая понять, что меня будут там кормить, поить и вообще обходиться со мной хорошо. Тут у меня снова возникло желание попытаться разорвать свои узы; но, чувствуя еще жгучую боль на лице и руках, покрывшихся волдырями, причем много стрел еще торчало в них, и заметив, что число моих неприятелей все время возрастает, я знаками дал понять, что они могут делать со мной все, что им угодно. Довольные моим согласием, Гурго и его свита любезно раскланялись и удалились с веселыми лицами. Вскоре после этого я услышал общее ликование, среди которого часто повторялись слова: «пеплом селян», и почувствовал, что с левой стороны большая толпа ослабила веревки в такой степени, что я мог повернуться на правую сторону и всласть помочиться; потребность эта была отправлена мной в изобилии, повергшем в великое изумление маленькие создания, которые, догадываясь по моим движениям, что я собираюсь делать, немедленно расступились в обе стороны, чтобы не попасть в поток, извергшийся из меня с большим шумом и силой. Еще раньше они помазали мое лицо и руки каким-то составом приятного запаха, который в несколько минут успокоил жгучую боль, причиненную их стрелами. Все это, в соединении с

сытным завтраком и прекрасным вином, благотворно подействовало на меня и склонило ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов; в этом нет ничего удивительного, так как врачи, по приказанию императора, подмешали сонного питья в бочки с вином.

По-видимому, как только туземцы нашли меня спящего на земле после кораблекрушения, они немедленно послали гонца к императору с известием об этом открытии. Тотчас был собран государственный совет и вынесено постановление связать меня вышеописанным способом (что было исполнено ночью, когда я спал), отправить мне в большом количестве еду и питье и приготовить машину для перевозки меня в столицу. Быть может, такое решение покажется слишком смелым и опасным, и я убежден, что в схожем случае ни один европейский монарх не поступил бы так. Однако, по-моему, это решение было столь же благоразумно, как и великодушно. В самом деле, допустим, что эти люди попытались бы убить меня своими копьями и стрелами во время моего сна. Что же вышло бы? Почувствовав боль, я, наверное, сразу проснулся бы и в припадке ярости оборвал веревки, которыми был связан, после чего они не могли бы сопротивляться и ожидать от меня пощады.

Эти люди — превосходные математики и

достигли большого совершенства в механике благодаря поощрениям и поддержке императора, известного покровителя наук. У этого монарха есть много машин на колесах для перевозки бревен и других больших тяжестей. Он часто строит громадные военные корабли, иногда достигающие девяти футов длины, в местах, где растет строевой лес, и оттуда перевозит их на этих машинах за триста или четыреста ярдов к морю. Пятистам плотникам и инженерам было поручено немедленно изготовить самую крупную телегу, какую только им приходилось делать. Это была деревянная платформа, возвышавшаяся на три дюйма от земли, около семи футов в длину и четырех в ширину, на двадцати двух колесах. Услышанные мною восклицания были приветствием народа по случаю прибытия этой телеги, которая была отправлена за мною, кажется, спустя четыре часа после того, как я вышел на берег. Ее поставили возле меня, параллельно моему туловищу. Главная трудность состояла, однако, в том, чтобы поднять и уложить меня в описанную телегу. С этой целью были вбиты восемьдесят свай, вышиною в один фут каждая, и приготовлены очень крепкие канаты толщиной в нашу бечевку; канаты эти были прикреплены крючками к многочисленным повязкам, которыми рабочие обвили мою шею, руки, туловище и ноги. Девятьсот отборных силачей стали тащить за

канаты при помощи множества блоков, прикрепленных к сваям, и таким образом меньше чем за три часа меня подняли, положили в телегу и крепко привязали к ней. Все это рассказали мне потом, так как во время этой операции я спал глубоким сном, в который был погружен снотворной микстурой, примешанной к вину. Полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, вышиной около четырех с половиной дюймов каждая, понадобилось, чтобы привезти меня в столицу, расположенную, как уже было сказано, на расстоянии полумили от того места, где я лежал.

Мы были в дороге уже часа четыре, когда я проснулся благодаря весьма забавному случаю. Телега остановилась для какой-то починки; воспользовавшись этим, два или три молодых человека полюбопытствовали посмотреть, каков я, когда сплю; они взобрались на повозку и тихонько прокрались к моему лицу; тут один из них, гвардейский офицер, засунул мне в левую ноздрю острие своей пики; оно защекотало, как соломинка, и я громко чихнул. Испуганные храбрецы мгновенно скрылись, и только через три недели я узнал причину моего внезапного пробуждения. Весь остаток дня мы провели в дороге; ночью расположились на отдых, и подле меня было

поставлено на страже по пятисот гвардейцев с обеих сторон, половина с факелами, а другая половина с луками наготове, чтобы стрелять при первой моей попытке пошевелиться. С восходом солнца мы снова тронулись в путь и к полудню находились в двухстах ярдах от городских ворот. Навстречу вышли император и весь его двор, но высшие сановники решительно воспротивились намерению его величества подняться на мое тело, боясь подвергнуть опасности его особу.

На площади, где остановилась телега, возвышался древний храм, считавшийся самым обширным во всем королевстве. Несколько лет тому назад храм этот был осквернен зверским убийством, и с тех пор здешнее население, отличающееся большой набожностью, стало смотреть на него как на место, недостойное святыни; вследствие этого он был обращен в общественное здание, из него были вынесены все убранства и утварь. Это здание и было назначено для моего жительствова. Большая дверь, обращенная на север, имела около четырех футов в высоту и почти два фута в ширину, так что я мог довольно свободно проползать через нее. По обеим сторонам двери, на расстоянии каких-нибудь шести дюймов от земли, были расположены два маленьких окна; в левое окно придворные кузнецы провели девяносто одну цепочку, вроде тех, что носят с часами наши

европейские дамы, и почти такой же величины; цепочки эти были закреплены на моей левой ноге тридцатью шестью висячими замками¹⁶. Против храма, по другую сторону большой дороги, на расстоянии двадцати футов, стояла башня, не менее пяти футов вышины. На эту башню взошел император с множеством придворных, чтобы лучше видеть меня, как мне передавали, потому что сам я не обратил на них внимания. По произведенным подсчетам, около ста тысяч народа с той же целью покинуло город, и я полагаю, что, невзирая на стражу, не менее десяти тысяч любопытных перебивало на мне в разное время, взбираясь на мое тело по лестницам. Скоро, однако, был издан указ, запрещающий это под страхом смертной казни. Когда кузнецы нашли, что вырваться мне невозможно, они обрезали связывавшие меня веревки, и я поднялся в таком сумрачном расположении, как никогда в жизни. Шум и

¹⁶ «...тридцатью шестью висячими замками.» — Те же самые числа Свифт назвал в «Сказке бочки», вышедшей за два с лишним десятилетия до «Гулливера»:

Я написал 91 памфлет при трех царствованиях к услугам 36 фракций.

изумление толпы, увидевшей, как я встал и хожу, не поддаются описанию. Цепи, приковывавшие мою левую ногу, были около двух ярдов длины и не только давали мне возможность гулять взад и вперед, описывая полукруг, но, будучи укреплены на расстоянии четырех дюймов от двери, позволяли также вползать в храм и ложиться в нем, вытянувшись во весь рост.

Глава 2

Император Лилипутии в сопровождении многочисленных вельмож приходит навестить автора в его заключении. Описание наружности и одежды императора. Автору назначают учителей для обучения языку лилипутов. Своим кротким поведением он добивается благосклонности императора. Обыскивают карманы автора и отбирают у него саблю и пистолеты

Поднявшись на ноги, я осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не приходилось видеть более привлекательный пейзаж. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом, а огороженные поля, из которых

каждое занимало не более сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередовались с лесом, вышиной вполстанга, где самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более семи футов. Налево лежал город, имевший вид театральной декорации.

Уже несколько часов меня крайне беспокоила одна естественная потребность, что и неудивительно, так как в последний раз я облегчался почти два дня тому назад. Чувство стыда сменялось жесточайшими позывами. Самое лучшее, что я мог придумать, было вползти в мой дом; так я и сделал; закрыв за собою двери, я забрался в глубину, насколько позволяли цепочки, и освободил свое тело от беспокоившей его тяжести. Но это был единственный случай, который может послужить поводом для обвинения меня в нечистоплотности, и я надеюсь на снисхождение беспристрастного читателя, особенно если он зрело и непредубежденно обсудит бедственное положение, в котором я находился. Впоследствии я отправлял означенную потребность рано утром на открытом воздухе, отойдя от храма, насколько позволяли цепочки, причем были приняты должные меры, чтобы двое назначенных для этой цели слуг увозили в тачках зловонное вещество до прихода ко мне гостей. Я бы не останавливался так долго на предмете, с первого взгляда как будто неважном,

если бы не считал необходимым публично оправдаться по части чистоплотности, которую, как мне известно, некоторым моим недоброжелателям угодно было, ссылаясь на этот и другие случаи, подвергать сомнению.

Покончив с этим делом, я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Император уже спустился с башни и направлялся ко мне верхом на лошади. Эта смелость едва не обошлась ему очень дорого. Дело в том, что хотя его лошадь была прекрасно тренирована, но при таком необычайном зрелище — как если бы гора двинулась перед ней — взвилась на дыбы. Однако император, будучи превосходным наездником, удержался в седле, пока не подоспели слуги, которые, схватив коня под уздцы, помогли его величеству сойти. Сойдя с лошади, он с большим удивлением осмотрел меня со всех сторон, держась, однако, за пределами длины приковывывавших меня цепочек. Он приказал своим поварам и дворецким, стоявшим наготове, подать мне есть и пить, и те подкатили ко мне провизию и вино в особых тележках на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро опорожнял; в двадцати таких тележках находились кушанья, а в десяти напитки. Каждая тележка с провизией уничтожалась мной в два или три глотка, а что касается вина, то я вылил содержимое десяти глиняных фляжек в одну

повозочку и разом осушил ее; так же я поступил и с остальным вином.

Императрица, молодые принцы и принцессы крови вместе с придворными дамами сидели в креслах на некотором расстоянии, но после приключения с лошадью императора все они встали и подошли к его особе, которую я хочу теперь описать. Ростом он почти на мой ноготь выше всех своих придворных¹⁷; одного этого совершенно достаточно, чтобы внушать почтительный страх. Черты лица его резкие и мужественные, губы австрийские, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, туловище, руки и ноги пропорциональные, движения грациозные, осанка величественная¹⁸. Он уже не первой молодости — ему двадцать восемь лет и девять месяцев, и семь из

¹⁷ «...на мой ноготь выше всех своих придворных...» — Под Лилипутией Свифт подразумевал Англию, а лилипутский император, по его замыслу, должен был некоторыми чертами походить на Георга I. Но английский король был мал ростом, неуклюж, и манеры его были лишены достоинства. Возможно, что внешнее их различие было подчеркнуто Свифтом из соображений осторожности, но не исключено, что, создавая свою сатиру, он не стремился к портретному сходству.

¹⁸ «...губы австрийские...» — У членов австрийской династии Габсбургов была выпяченная нижняя губа.

них он царствует, окруженный благополучием, и большей частью победоносно. Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лег на бок, так чтобы мое лицо пришлось как раз против него, причем он стоял на расстоянии всего трех ярдов от меня; кроме того, впоследствии я несколько раз брал его на руки и потому не могу ошибиться в его описании. Одежда императора была очень скромная и простая, фасон — нечто среднее между азиатским и европейским, но на голове надет был легкий золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и пером на верхушке. Он держал в руке обнаженную шпагу для защиты, на случай если бы я разорвал цепь; шпага эта была длиною около трех дюймов, ее золотой эфес и ножны украшены бриллиантами. Голос его величества пронзительный, но чистый и до такой степени внятный, что даже стоя я мог отчетливо его слышать. Дамы и придворные все были великолепно одеты, так что занимаемое ими место было похоже на разостланную юбку, вышитую золотыми и серебряными узорами. Его императорское величество часто обращался ко мне с вопросами, на которые я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорили друг другу. Здесь же находились священники и юристы (как я заключил по их костюму), которым было приказано вступить со мною в разговор; я, в свою

очередь, заговаривал с ними на разных языках, с которыми был хотя бы немного знаком: по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски и на лингва франка¹⁹, но все это не привело ни к чему. Спустя два часа двор удалился, и я был оставлен под сильным караулом — для охраны от дерзких и, может быть, даже злобных выходок черни, которая настойчиво стремилась протискаться поближе ко мне, насколько у ней хватало смелости; у некоторых достало даже бесстыдства пустить в меня несколько стрел в то время, как я сидел на земле у дверей моего дома; одна из них едва не угодила мне в левый глаз. Однако полковник приказал схватить шестерых зачинщиков и решил, что самым лучшим наказанием для них будет связать и отдать в мои руки. Солдаты так и сделали, подталкивая ко мне озорников тупыми концами пик; я сгреб их всех в правую руку и пятерых положил в карман камзола; что же касается шестого, то я сделал вид, будто хочу съесть его живьем. Бедный человечек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры пришли в сильное

¹⁹ *Лингва франка* — наречие портов Средиземноморья, состоящее из смеси итальянских, испанских, греческих, арабских и других слов.

беспокойство, когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож. Но скоро я успокоил их: ласково глядя на моего пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю; он мигом убежал. Точно так же я поступил и с остальными, вынимая их по одному из кармана. И я увидел, что солдаты и народ остались очень довольны моим милосердием, о котором в очень выгодном для меня свете было доложено при дворе.

С наступлением ночи я не без затруднений вошел в свой дом и лег спать на голой земле. Таким образом я проводил ночи около двух недель, в течение которых по приказанию императора для меня была изготовлена постель. Были привезены шестьсот матрасов обыкновенной величины, и в моем доме началась работа: сто пятьдесят штук были сшиты вместе, и так образовался один матрас, подходящий для меня в длину и ширину; четыре таких матраца положили один на другой, но твердый пол из гладкого камня, на котором я спал, стал от этого не намного мягче. По такому же расчету были изготовлены простыни, одеяла и покрывала, достаточно сносные для человека, давно привыкшего к лишениям.

Едва весть о моем прибытии разнеслась по королевству, как отовсюду начали стекаться, чтобы посмотреть на меня, толпы богатых, досужих и любопытных людей. Деревни почти опустели,

отчего последовал бы большой ущерб для земледелия и домашнего хозяйства, если бы своевременные распоряжения его величества не предупредили бедствия. Он повелел тем, кто меня уже видел, возвратиться домой и не приближаться к моему помещению ближе чем на пятьдесят ярдов без особенного на то разрешения двора, что принесло министрам большой доход.

Между тем император держал частые советы, на которых обсуждался вопрос, как поступить со мной. Позднее я узнал от одного моего близкого друга, особы весьма знатной и достаточно посвященной в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении относительно меня. С одной стороны, боялись, чтобы я не разорвал цепи; с другой — возникло опасение, что мое содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Иногда останавливались на мысли уморить меня или, по крайней мере, засыпать мое лицо и руки отравленными стрелами, чтобы скорее отправить на тот свет; но потом принимали в расчет, что разложение такого громадного трупы может вызвать чуму в столице и во всем королевстве. В разгар этих совещаний у дверей большой залы совета собралось несколько офицеров, и двое из них, будучи допущены в собрание, представили подробный доклад о моем поступке с шестью

упомянутыми озорниками. Это произвело такое благоприятное впечатление на его величество и весь государственный совет, что немедленно был издан указ императора, обязывавший все деревни, находящиеся в пределах девятисот ярдов от столицы, доставлять каждое утро по шести быков, сорока баранов и другой провизии для моего стола, вместе с соответствующим количеством хлеба, вина и других напитков, по установленной таксе и за счет сумм, ассигнованных с этой целью из собственной казны его величества. Нужно заметить, что этот монарх живет главным образом на доходы от своих личных имений и весьма редко, в самых исключительных случаях, обращается за субсидией к подданным²⁰, которые зато обязаны по его требованию являться на войну в собственном вооружении. Кроме того, при мне учредили штат прислуги в шестьсот человек, для которого были отпущены харчевые деньги и построены по обеим сторонам моей двери удобные палатки. Равным образом отдан был приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм местного фасона; чтобы

²⁰ «...весьма редко... обращается за субсидией...» — Намек Свифта на субсидии, испрашиваемые английскими королями у парламента как на государственные нужды, так и на личные расходы.

шестеро величайших ученых его величества занялись обучением меня местному языку и, наконец, чтобы возможно чаще производились в моем присутствии упражнения на лошадях, принадлежащих императору, придворным и гвардии, с целью приучить их ко мне. Все эти приказы были должным образом исполнены, и спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка. В течение этого времени император часто удостаивал меня своим посещением и милостиво помогал моим наставникам обучать меня. Мы уже могли объясняться друг с другом, и первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество соизволил даровать мне свободу; слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. В ответ на мою просьбу император, насколько я мог понять его, говорил, что освобождение есть дело времени, что оно не может быть даровано без согласия государственного совета и что прежде я должен «люмоз кельмин пессо деемарлон эмпозо», то есть дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, обхождение со мной будет самое любезное; и император советовал терпением и скромностью заслужить доброе к себе отношение как его, так и его подданных. Он просил меня не

обижаться, если он отдаст приказание особым чиновникам обыскать меня²¹, так как он полагает, что на мне есть оружие, которое должно быть очень опасным, если соответствует огромным размерам моего тела. Я просил его величество быть спокойным на этот счет, заявив, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Все это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведен двумя его чиновниками; что понимает, что это требование закона не может быть осуществлено без моего согласия и моей помощи; что, будучи высокого мнения о моем великодушии и справедливости, он спокойно передаст этих чиновников в мои руки; что вещи, отобранные ими, будут возвращены мне, если я покину эту страну, или же мне будет за них

21 «...обыскать меня...» — Описание обыска и конфискации у Гулливера совершенно безобидного содержимого его карманов — это насмешка Свифта над рвением английских государственных агентов, занимавшихся поисками оружия у лиц, подозреваемых в симпатиях к якобитам, то есть сторонникам реставрации Стюартов, свергнутых в 1688 г. и изгнанных из Англии. Один из таких агентов в Ирландии передал в дублинскую тюрьму отобранные у самого Свифта «опасные» предметы: кочергу, щипцы и совок.

заплачено, сколько я сам назначу. Я взял обоих чиновников в руки и положил их сначала в карманы камзола, а потом во все другие, кроме двух часовых и одного потайного, которого я не хотел показывать, потому что в нем было несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В часовых карманах лежали: в одном серебряные часы, а в другом кошелек с несколькими золотыми. Господа эти имели при себе бумагу, перо и чернила и составили подробную опись всему, что нашли²². Когда опись была закончена, они попросили меня высадить их на землю, чтобы они могли представить ее императору. Позднее я перевел эту опись на английский язык. Вот она слово в слово:

Во-первых, в правом кармане
камзола великого Человека Горы (так

²² «...подробную опись всему...» — Свифт высмеивает деятельность Тайного комитета, учрежденного премьер-министром вигского правительства Робертом Уолполом, сменившим на этом посту друга Свифта — Болинброка. Шпионы этого комитета вели слежку во Франции и Англии за деятельностью якобитов и связанного с ними Болинброка, в 1711 г. вступившего в тайные переговоры с французским правительством. В результате этих переговоров был заключен Утрехтский мир (1713), которым закончилась война за испанское наследство.

я передаю слова Куинбус Флестрин), после тщательнейшего осмотра, мы нашли только большой кусок грубого холста, который по своим размерам мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца Вашего Величества. В левом кармане мы увидели громадный серебряный сундук с крышкой из того же металла, которую мы, досмотрщики, не могли поднять. Когда, по нашему требованию, сундук был открыт и один из нас вошел туда, то он по колени погрузился в какую-то пыль, часть которой, поднявшись до наших лиц, заставила нас обоих несколько раз громко чихнуть. В правом кармане жилета мы нашли громадную кипу тонких белых субстанций, сложенных одна на другую; кipa эта, толщиной в три человека, перевязана прочными канатами и испещрена черными знаками, которые, по скромному нашему предположению, суть не что иное, как письмена, каждая буква которых равняется половине нашей ладони. В левом жилетном кармане оказался инструмент, к спинке которого прикреплены двадцать длинных жердей, напоминающих

частокол перед двором Вашего Величества; по нашему предположению, этим инструментом Человек Гора расчесывает свои волосы, но это только предположение: мы не всегда тревожим его расспросами, потому что нам было очень трудно объясняться с ним. В большом кармане с правой стороны среднего чехла (как я перевозжу слово «ранфуло», под которым они разумели штаны) мы увидели полый железный столб, длиною в рост человека, прикрепленный к крепкому куску дерева, более крупному по размерам, чем сам столб; с одной стороны столба торчат большие куски железа, весьма странной формы, назначения которых мы не могли определить. Подобная же машина найдена нами и в левом кармане. В меньшем кармане с правой стороны оказалось несколько плоских дисков из белого и красного металла, различной величины; некоторые белые диски, по-видимому серебряные, так велики и тяжелы, что мы вдвоем едва могли поднять их. В левом кармане мы нашли две черные колонны неправильной формы; стоя

на дне кармана, мы только с большим трудом могли достать их верхушку. Одна из колонн заключена в крышке и состоит из цельного материала, но на верхнем конце другой есть какое-то круглое белое тело, вдвое больше нашей головы. В каждой колонне заключена огромная стальная пластина; полагая, что это опасные орудия, мы потребовали у Человека Горы объяснить их употребление. Вынув оба орудия из футляра, он сказал, что в его стране одним из них бреют бороду, а другим режут мясо. Кроме того, на Человеке Горе мы нашли еще два кармана, куда не могли войти. Эти карманы он называет часовыми; они представляют две широких щели, прорезанных в верхней части его среднего чехла, а потому сильно сжатых давлением его брюха. Из правого кармана спускается большая серебряная цепь с диковинной машиной, лежащей на дне кармана. Мы приказали ему вынуть все, что было прикреплено к этой цепи; вынутый предмет оказался похожим на шар, одна половина которого сделана из серебра, а другая из какого-то прозрачного металла;

когда мы, заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, расположенные по окружности, попробовали прикоснуться к ним, то пальцы наши уперлись в это прозрачное вещество. Человек Гора приблизил эту машину к нашим ушам; тогда мы услышали непрерывный шум, похожий на шум колеса водяной мельницы. Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Но мы более склоняемся к последнему мнению, потому что, по его уверениям (если мы правильно поняли объяснение Человека Горы, который очень плохо говорит на нашем языке), он редко делает что-нибудь, не советуясь с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни. Из левого часового кармана Человек Гора вынул сеть почти такой же величины, как рыболовная, но устроенную так, что она может закрываться и открываться наподобие кошелька, чем она и служит ему; в сети мы нашли несколько массивных кусков желтого металла, и если это настоящее золото,

то оно должно представлять огромную ценность.

Таким образом, во исполнение повеления Вашего Величества, тщательно осмотрев все карманы Человека Горы, мы перешли к дальнейшему обследованию и открыли на нем пояс, сделанный из кожи какого-то громадного животного; на этом поясе с левой стороны висит сабля, длиною в пять раз более среднего человеческого роста, а с правой — сумка или мешок, разделенный на два отделения, из коих в каждом можно поместить трех подданных Вашего Величества. Мы нашли в одном отделении сумки множество шаров из крайне тяжелого металла; каждый шар, будучи величиной почти с нашу голову, требует большой силы, чтобы поднять его; в другом отделении лежала кучка каких-то черных зерен не очень большого объема и веса: мы могли поместить на ладони до пятидесяти таких зерен.

Такова точная опись найденного нами при обыске Человека Горы, который держал себя вежливо и с подобающим почтением к

исполнителям приказаний Вашего Величества. Скреплено подписью и приложением печати в четвертый день восемьдесят девятой луны благополучного царствования Вашего Величества.

*Клефрин Фрелок,
Марси Фрелок*

Когда эта опись была прочитана императору, его величество потребовал, хотя и в самой деликатной форме, чтобы я отдал некоторые перечисленные в ней предметы. Прежде всего он предложил вручить ему саблю, которую я снял вместе с ножнами и со всем, что было при ней. Тем временем император приказал трем тысячам отборных войск (которые в этот день несли охрану его величества) окружить меня на известном расстоянии и держать на прицеле лука, чего я, впрочем, не заметил, так как глаза мои были устремлены на его величество. Император пожелал, чтобы я обнажил саблю, которая хотя местами и заржавела от морской воды, но все-таки ярко блестела. Я повиновался, и в тот же момент все солдаты испустили крик ужаса и удивления: отражавшиеся на стали лучи солнца ослепляли их, когда я размахивал саблей из стороны в сторону. Его величество, храбрейший из монархов, испугался меньше, чем я мог ожидать. Он приказал

мне вложить оружие в ножны и возможно осторожнее бросить его на землю футов на шесть от конца моей цепи. Затем он потребовал показать один из полых железных столбов, под которыми он разумел мои карманные пистолеты. Я вынул пистолет и, по просьбе императора, растолковал, как мог, его употребление; затем, зарядив его только порохом, который благодаря герметически закрытой пороховнице оказался совершенно сухим (все предусмотрительные моряки принимают на этот счет особые меры предосторожности), я предупредил императора, чтобы он не испугался, и выстрелил в воздух. На этот раз удивление было гораздо сильнее, чем при виде моей сабли. Сотни человек попадали, как бы пораженные насмерть, и даже сам император, хотя и устоял на ногах, некоторое время не мог прийти в себя. Я отдал оба пистолета тем же способом, что и саблю, и так же поступил с пулями и порохом, но просил его величество держать последний подальше от огня, так как от малейшей искры он может воспламениться и взорвать на воздух императорский дворец. Равным образом я отдал часы, которые император осмотрел с большим любопытством и приказал двум самым дюжим гвардейцам унести их, надев на шест и положив шест на плечи, вроде того как носильщики в Англии таскают бочонки с элем. Всего более

поразили императора непрерывный шум часового механизма и движение минутной стрелки, которое ему было хорошо видно, потому что лилипуты обладают более острым зрением, чем мы. Он предложил ученым высказать свое мнение относительно этой машины, но читатель и сам догадается, что ученые не пришли ни к какому единодушному заключению, и все их предположения, которых, впрочем, я хорошенько не понял, были весьма далеки от истины; затем я сдал серебряные и медные деньги, кошелек с десятью крупными и несколькими мелкими золотыми монетами, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, носовой платок и записную книжку. Сабля, пистолеты и сумка с порохом и пулями были отправлены на телегах в арсенал его величества, остальные вещи возвращены мне.

Я уже сказал выше, что у меня был секретный карман, которого не обнаружили мои сыщики; в нем лежали очки (благодаря слабому зрению я иногда пользуюсь ими), карманная подзорная труба и несколько других мелочей. Так как эти вещи не представляли никакого интереса для императора, то я не считал долгом чести заявлять о них, тем более что боялся, как бы они не были потеряны или попорчены, если бы попали в чужие руки.

Глава 3

Автор весьма оригинально развлекает императора, придворных дам и кавалеров. Описание развлечений при дворе в Лилипутии. Автору на определенных условиях даруется свобода

Моя кротость и доброе поведение до такой степени примирили со мной императора, двор, армию и вообще весь народ, что я начал питать надежду на скорое получение свободы. Я всячески старался укрепить это благоприятное расположение. Население постепенно привыкло ко мне и стало меньше меня бояться. Иногда я ложился на землю и позволял пятерым или шестерым лилипутам плясать на моей руке. Под конец даже дети отваживались играть в прятки в моих волосах. Я научился довольно сносно понимать и говорить на их языке. Однажды императору пришла мысль развлечь меня акробатическими представлениями, в которых лилипуты своею ловкостью и великолепием превосходят другие известные мне народы. Но ничто меня так не позабавило, как упражнения канатных плясунов, совершаемые на тонких белых нитках длиной в два фута, натянутых на высоте

двенадцати дюймов от земли. На этом предмете я хочу остановиться несколько подробнее и попрошу у читателя немного терпения.

Эти упражнения производятся только лицами, которые состоят в кандидатах на высокие должности и ищут благоволения двора. Они смолоду тренированы в этом искусстве и не всегда отличаются благородным происхождением или широким образованием. Когда открывается вакансия на высокую должность, вследствие смерти или опалы (что случается часто), пять или шесть таких соискателей подают прошение императору разрешить им развлечь его императорское величество и двор танцами на канате; и кто прыгнет выше всех, не упавши, получает вакантную должность. Весьма часто даже первые министры получают приказ показать свою ловкость и засвидетельствовать перед императором, что они не утратили своих способностей. Флимнап, канцлер казначейства, пользуется известностью человека, совершившего прыжок на туго натянутом канате, по крайней мере, на дюйм выше, чем какой удавался когда-нибудь другому сановнику во всей империи. Мне пришлось видеть, как он кувыркался несколько раз сряду на небольшой доске, прикрепленной к канату толщиной не более обыкновенной английской бечевки. Мой друг Рельдресель, главный секретарь тайного совета, по

моему мнению, — если только моя дружба к нему не ослепляет меня, — может занять в этом отношении второе место после канцлера казначейства. Остальные сановники стоят почти на одном уровне в означенном искусстве²³.

Эти развлечения часто сопровождаются несчастьями, память о которых сохраняет история. Я сам видел, как два или три соискателя причинили себе увечья. Но опасность увеличивается еще более, когда сами министры получают повеление показать свою ловкость. Ибо, стремясь превзойти самих себя

23 «...упражнения канатных плясунов...» — Здесь: сатирическое изображение ловких и бесстыдных политических махинаций и интриг, с помощью которых карьеристы добивались королевских милостей и государственных должностей. Флимнап. — Этот образ — сатира на Роберта Уолпола, к которому Свифт относился крайне враждебно и неоднократно его высмеивал. Беспринципность и карьеризм Уолпола, изображенные здесь Свифтом как «прыжки на канате», разоблачали и друг Свифта, поэт и драматург Джон Гэй (1685–1752) в своей «Опере нищих» (1728), и Генри Фильдинг (1707–1754) в своей политической комедии «Исторический календарь на 1756 год» (1757). Рельдресель. — По-видимому, под этим именем изображен граф Стенхоп, ненадолго сменивший в 1717 г. Роберта Уолпола. Премьер-министр Стенхоп более терпимо относился к якобитам и к тори; среди последних было немало друзей Свифта.

и своих соперников, они проявляют такое усердие, что редко кто из них не срывается и не падает, иногда даже раза по два и по три. Меня уверяли, что за год или за два до моего прибытия Флимнап непременно сломал бы себе шею, если бы одна из королевских подушек, случайно лежавшая на полу, не смягчила удара от его падения²⁴.

Кроме того, в особых случаях здесь устраивается еще одно развлечение, которое дается в присутствии только императора, императрицы и первого министра. Император кладет на стол три тонких шелковых нити — синюю, красную и зеленую, в шесть дюймов длины каждая. Эти нити предназначены в награду лицам, которых император пожелает отличить особым знаком своей благосклонности ²⁵. Церемония происходит в

²⁴ «...Флимнап непременно сломал бы себе шею...» — После смерти Стенхопа благодаря интригам герцогини Кендельской, одной из фавориток Георга I, Роберта Уолпола в 1721 г. вновь назначили премьер-министром. Герцогиня Кендельская здесь и названа иносказательно «королевской подушкой».

²⁵ *Синяя, красная и зеленая* — цвета английских орденов Подвязки, Бани и Св. Андрея. Старинный орден Бани, основанный в 1559 г. и прекративший существование в 1669 г., был восстановлен Уолполом в 1725 г. специально для того, чтобы награждать им своих приспешников. Сам Уолпол

большом тронном зале его величества, где соискатели подвергаются испытанию в ловкости, весьма отличному от предыдущего и не имеющему ни малейшего сходства с теми, что мне доводилось наблюдать в странах Старого и Нового Света. Император держит в руках палку в горизонтальном положении, а соискатели, подходя друг за другом, то перепрыгивают через палку, то ползают под ней взад и вперед несколько раз, смотря по тому, поднята палка или опущена; иногда один конец палки держит император, а другой — его первый министр, иногда же палку держит только последний. Кто проделает все описанные упражнения с наибольшей легкостью и проворством и наиболее отличится в прыганье и ползанье, тот награждается синей нитью; красная дается второму по ловкости, а зеленая — третьему. Пожалованную нить носят в виде пояса, обматывая ее дважды вокруг талии. При дворе редко можно встретить особу, у которой бы не было такого пояса.

в том же году был награжден этим орденом и орденом Подвязки — в 1726 г., то есть в год выхода первого издания «Гулливера». В первом издании книги из осторожности вместо подлинных цветов орденов были названы другие: пурпурный, желтый и белый. Во втором издании Свифт заменил их настоящими цветами английских орденов.

Каждый день мимо меня проводили лошадей из полковых и королевских конюшен, так что они скоро перестали пугаться меня и подходили к самым моим ногам, не кидаясь в сторону. Всадники заставляли лошадей перескакивать через мою положенную на землю руку, а раз императорский ловчий на рослом коне перепрыгнул даже через мою ногу, обутую в башмак; это был поистине удивительный прыжок.

Однажды я имел счастье позабавить императора самым необыкновенным образом. Я попросил достать несколько палок длиной в два фута и толщиной в обыкновенную трость; его величество приказал главному лесничему сделать соответствующие распоряжения, и на следующее утро семь лесников привезли требуемое на семи телегах, из которых каждая была запряжена восемью лошадьми. Я взял девять палок и крепко вбил их в землю в виде квадрата, каждая сторона которого была длиной в два с половиной фута; на высоте около двух футов я привязал к четырем углам этого квадрата другие четыре палки параллельно земле; затем на девяти кольях я натянул носовой платок туго, как барабан; четыре горизонтальные палки, возвышаясь над платком приблизительно на пять дюймов, образовали с каждой стороны нечто вроде перил. Окончив эти приготовления, я попросил императора отрядить

двадцать четыре лучших кавалериста для упражнений на устроенной мною площадке. Его величество одобрил мое предложение, и, когда кавалеристы прибыли, я поднял их поочередно на лошадях и в полном вооружении вместе с офицерами, которые ими командовали. Построившись, они разделились на два отряда и начали маневры: пускали друг в друга тупые стрелы, бросались друг на друга с обнаженными саблями, то обращаясь в бегство, то преследуя, то ведя атаку, то отступая, — словом, показывая лучшую военную выучку, какую мне когда-либо доводилось видеть. Горизонтальные палки не позволяли всадникам и их лошадям упасть с площадки. Император пришел в такой восторг, что заставил меня повторить это развлечение несколько дней сряду и однажды соизволил сам подняться на площадку и лично командовать маневрами²⁶. Хотя и с большим трудом, ему удалось убедить императрицу разрешить мне подержать ее в закрытом кресле на расстоянии двух ярдов от площадки, так что она могла хорошо видеть все представление. К счастью для меня, все эти упражнения прошли благополучно; раз только

²⁶ «Император пришел в такой восторг...» — Намек на пристрастие Георга I к военным парадом.

горячая лошадь одного из офицеров пробила копытом дыру в моем носовом платке и, споткнувшись, упала и опрокинула своего седока, но я немедленно выручил обоих и, прикрыв одной рукой дыру, спустил другой рукой всю кавалерию на землю тем же способом, каким поднял ее. Упавшая лошадь вывихнула левую переднюю ногу, но всадник не пострадал. Я тщательно починил платок, но с тех пор перестал доверять его прочности в подобных опасных упражнениях.

За два или за три дня до моего освобождения, как раз в то время, когда я развлекал двор своими выдумками, к его величеству прибыл гонец с донесением, что несколько подданных, проезжая возле того места, где я был найден, увидели на земле какое-то громадное черное тело, весьма странной формы, с широкими плоскими краями кругом, занимающими пространство, равное спальне его величества, и с приподнятой над землей на высоту человеческого роста серединой; что это не какое-нибудь живое существо, как они первоначально опасались, ибо оно лежало на траве неподвижно, и некоторые из них несколько раз обошли его кругом; что, становясь на плечи друг другу, они взобрались на вершину загадочного тела, которая оказалась плоской поверхностью, а само тело внутри полым, в чем они убедились, топая по нему ногами; что они смиренно

высказывают предположение, не есть ли это какая-нибудь принадлежность Человека Горы; и если будет угодно его величеству, то они берутся доставить его всего только на пяти лошадях. Я тотчас догадался, о чем шла речь, и сердечно обрадовался этому известию. По-видимому, добравшись после кораблекрушения до берега, я был так расстроен, что не заметил, как по дороге к месту моего ночлега у меня слетела шляпа, которую я привязал к подбородку шнурком, когда греб в лодке, и плотно надвинул на уши, когда плыл по морю. Вероятно, я не обратил внимания, как разорвался шнурок, и решил, что шляпа потерялась в море. Описав свойства и назначение этого предмета, я умолял его величество отдать распоряжение, чтобы он как можно скорее был мне доставлен. На другой день шляпа была привезена мне, но в не блестящем состоянии. Возчики пробили в полях две дыры на расстоянии полутора дюймов от края, зацепили за них крючками, крючки привязали длинной веревкой к упряжи и волокли таким образом мой головной убор добрых полмили. Но благодаря тому, что почва в этой стране необыкновенно ровная и гладкая, шляпа получила меньше повреждений, чем я ожидал.

Спустя два или три дня после описанного происшествия император отдал приказ по армии, расположенной в столице и окрестностях, быть

готовой к выступлению. Его величеству пришла фантазия доставить себе довольно странное развлечение. Он пожелал, чтобы я стал в позу Колосса Родосского, раздвинув ноги насколько возможно шире ²⁷. Потом он приказал главнокомандующему (старому опытному военачальнику и моему большому покровителю) построить войска сомкнутыми рядами и провести их церемониальным маршем между моими ногами — пехоту по двадцать четыре человека в ряд, а кавалерию по шестнадцати — с барабанным боем, развернутыми знаменами и поднятыми пиками. Весь корпус состоял из трех тысяч пехоты и тысячи кавалерии. Его величество отдал приказ, чтобы солдаты, под страхом смертной казни, вели себя вполне благопристойно по отношению к моей особе во время церемониального марша, что, однако, не помешало некоторым молодым офицерам, проходя подо мною, поднимать глаза вверх; и сказать правду, мои панталоны находились в то время в таком плохом состоянии, что давали некоторый

²⁷ «...в позу Колосса Родосского...» — Колосс — гигантская бронзовая статуя бога солнца Гелиоса, воздвигнутая в гавани острова Родос в 280 г. до н. э. Ноги статуи упирались в берега по обе стороны гавани. Статуя была разрушена землетрясением 56 лет спустя.

повод посмеяться и прийти в изумление.

Я подал императору столько прошений и докладных записок о даровании мне свободы, что наконец его величество поставил этот вопрос на обсуждение сперва своего кабинета, а потом государственного совета, где никто не высказал возражений за исключением Скайреша Болголама, которому угодно было, без всякого повода с моей стороны, стать моим смертельным врагом²⁸. Но, несмотря на его противодействие, дело было решено всем советом и утверждено императором в мою пользу. Болголам занимал пост гальбета, то есть адмирала королевского флота, пользовался большим доверием императора и был человеком весьма сведущим в своем деле, но угрюмым и резким. Однако и его наконец убедили дать свое согласие, но он настоял, чтобы ему было поручено составление условий, на которых я получу свободу, после того как мной будет дана торжественная клятва свято соблюдать их. Условия эти Скайреш Болголам доставил мне лично, в сопровождении

²⁸ *Скайреш Болголам* — Здесь имеется в виду герцог Аргайлский, оскорбленный нападками Свифта на шотландцев, которые содержались в его памфлете «Общественный дух вигов». В одной из поэм о себе самом Свифт упоминает прокламацию, в которой, по приказу герцога Аргайлского, обещалась награда за выдачу автора этого памфлета.

двух помощников-секретарей и нескольких знатных особ. Когда они были прочитаны, я должен был присягнуть, что я не нарушу их, причем обряд присяги был совершен сперва по обычаям моей родины, а затем по способу, предписанному местными законами, заключавшемся в том, что я должен был держать правую ногу в левой руке, положи в то же время средний палец правой руки на темя, а большой на верхушку правого уха. Но, быть может, читателю любопытно будет составить себе некоторое представление о стиле и характерных выражениях этого народа, а также познакомиться с условиями, на которых я получил свободу; поэтому я приведу здесь полный буквальный перевод означенного документа, сделанный мною самым тщательным образом.

Гольбасто момарен эвлем
гердайло шефинмоллиоллигу,
могущественнейший император
Лилипутии, отрада и ужас вселенной,
коего владения, занимая пять тысяч
блестрегов (около двенадцати миль в
окружности), распространяются до
крайних пределов земного шара²⁹;

²⁹ «...до крайних пределов земного шара...» — Здесь неточность: далее сказано, что лилипуты считали землю плоской.

монарх над монархами, величайший из сынов человеческих, ногами своими упирающийся в центр земли, а головою касающийся солнца; при одном мановении которого трясутся колени у земных царей; приятный как весна, благодетельный как лето, обильный как осень и суровый как зима. Его высочайшее величество предлагает недавно прибывшему в наши небесные владения Человеку Горе следующие пункты, которые Человек Гора под торжественной присягой обязуется исполнять:

1. Человек Гора не имеет права оставить наше государство без нашей разрешительной грамоты с приложением большой печати.

2. Он не имеет права входить в нашу столицу без нашего особого повеления, причем жители должны быть предупреждены за два часа, чтобы успеть укрыться в своих домах.

3. Названный Человек Гора должен ограничивать свои прогулки нашими главными большими дорогами и не смеет гулять или ложиться на лугах и полях.

4. Во время прогулок по названным дорогам он должен внимательно смотреть под ноги, дабы не растоптать кого-нибудь из наших любезных подданных или их лошадей и телег; он не должен брать в руки названных подданных без их на то согласия.

5. Если потребуется быстрое доставление гонца к месту его назначения, то Человек Гора обязуется раз в луну относить в своем кармане гонца вместе с лошадыю на расстояние шести дней пути и (если потребуется) доставлять названного гонца в целости и сохранности обратно к нашему императорскому величеству.

6. Он должен быть нашим союзником против враждебного нам острова Блефуску и употребить все усилия для уничтожения неприятельского флота, который в настоящее время снаряжается для нападения на нас.

7. Упомянутый Человек Гора в часы досуга обязуется оказывать помощь нашим рабочим, поднимая особенно тяжелые камни при сооружении стены нашего главного

парка, а также при постройке других наших зданий.

8. Упомянутый Человек Гора в течение двух лун должен точно измерить окружность наших владений, обойдя все побережье и сосчитав число пройденных шагов.

Наконец, под торжественной присягой названный Человек Гора обязуется в точности соблюдать означенные условия, и тогда он, Человек Гора, будет получать ежедневно еду и питье в количестве, достаточном для прокормления 1728 наших подданных, и будет пользоваться свободным доступом к нашей августейшей особе и другими знаками нашего благоволения. Дано в Бельфабораке, в нашем дворце, в двенадцатый день девяносто первой луны нашего царствования.

Я с большой радостью и удовлетворением дал присягу и подписал эти пункты, хотя некоторые из них не были так почетны, как я бы желал; они продиктованы были исключительно злобой Скайреша Болголама, верховного адмирала. После принесения присяги мои цепи были немедленно сняты, и я получил полную свободу; сам император удостоил меня своим присутствием на церемонии

моего освобождения. В знак благодарности я пал ниц к ногам его величества, но император велел мне встать и после многих милостивых слов, которых я — во избежание упреков в тщеславии — не стану повторять, прибавил, что надеется найти во мне полезного слугу и человека вполне достойного тех милостей, которые он уже оказал мне и может оказать в будущем.

Пусть читатель благоволит обратить внимание на то, что в последнем пункте условий возвращения мне свободы император постановляет выдавать мне еду и питье в количестве достаточном для прокормления 1728 лилипутов. Спустя некоторое время я спросил у одного моего друга придворного, каким образом была установлена такая точная цифра. На это он ответил, что математики его величества, определив высоту моего роста при помощи квадранта и найдя, что высота эта находится в таком отношении к высоте лилипута, как двенадцать к единице, заключили, на основании сходства наших тел, что объем моего тела равен, по крайней мере, объему 1728 тел лилипутов, а следовательно, оно требует во столько же раз больше пищи. Из этого читатель может составить понятие как о смышленности этого народа, так и о мудрой расчетливости великого его государя.

Глава 4

Описание мильдендо, столицы Лилипутии, и императорского дворца. Беседа автора с первым секретарем о государственных делах. Автор предлагает свои услуги императору в его войнах

Получив свободу, я прежде всего попросил разрешения осмотреть Мильдендо, столицу государства. Император без труда мне его дал, но строго наказал не причинять никакого вреда ни жителям, ни их домам. О моем намерении посетить город население было оповещено особой прокламацией. Столица окружена стеной вышиною в два с половиной фута и толщиной не менее одиннадцати дюймов, так что по ней совершенно безопасно может проехать карета, запряженная парой лошадей; стена эта прикрыта крепкими башнями, возвышающимися на расстоянии десяти футов одна от другой. Перешагнув через большие Западные Ворота, я очень медленно, боком, прошел по двум главным улицам в одном жилете, из боязни повредить крыши и карнизы домов полами своего кафтана. Подвигался я крайне осмотрительно, чтобы не растоптать беспечных прохожих, оставшихся на улице вопреки отданному жителям

столицы строгому приказу не выходить для безопасности из дому. Окна верхних этажей и крыши домов были покрыты таким множеством зрителей, что, я думаю, ни в одно из моих путешествий мне не случилось видеть более людного места. Город имеет форму правильного четырехугольника, и каждая сторона городской стены равна пятистам футам. Две главные улицы, шириною в пять футов каждая, пересекаются под прямым углом и делят город на четыре квартала. Боковые улицы и переулки, куда я не мог войти и только видел их, имеют в ширину от двенадцати до восемнадцати дюймов. Город может вместить до пятисот тысяч душ. Дома трех— и пятиэтажные. Лавки и рынки полны товаров.

Императорский дворец находится в центре города на пересечении двух главных улиц. Он окружен стеною в два фута вышины, отстоящей от построек на двадцать футов. Я имел позволение его величества перешагнуть через стену, и так как расстояние, отделявшее ее от дворца, было достаточно велико, то легко мог осмотреть последний со всех сторон. Внешний двор представляет собою квадрат со стороною в сорок футов и вмещает два других двора, из которых во внутреннем расположены императорские покои. Мне очень хотелось их осмотреть, но осуществить это желание было трудно, потому что главные

ворота, соединяющие один двор с другим, имели только восемнадцать дюймов в высоту и семь дюймов в ширину. С другой стороны здания внешнего двора достигают высоты не менее пяти футов, и потому я не мог перешагнуть через них, не нанеся значительных повреждений постройкам, несмотря на то, что стены у них прочные, из тесаного камня, и в толщину четыре дюйма. В то же время и император очень желал показать мне великолепие своего дворца. Однако мне удалось осуществить наше общее желание только спустя три дня, которые я употребил на подготовительные работы. В императорском парке, в ста ярдах от города, я срезал своим перочинным ножом несколько самых крупных деревьев и сделал из них два табурета высотой около трех футов и достаточно прочных, чтобы выдержать мою тяжесть. Затем после второго объявления, предостерегающего жителей, я снова прошел ко дворцу через город с двумя табуретами в руках. Подойдя со стороны внешнего двора, я стал на один табурет, поднял другой над крышей и осторожно поставил его на площадку шириной в восемь футов, отделявшую первый двор от второго. Затем я свободно перешагнул через здания с одного табурета на другой и поднял к себе первый длинной палкой с крючком. При помощи таких ухищрений я достиг самого внутреннего двора; там я лег на

землю и приблизил лицо к окнам среднего этажа, которые нарочно бы ли оставлены открытыми: таким образом я получил возможность осмотреть роскошнейшие палаты, какие только можно себе представить. Я увидел императрицу и молодых принцев в их покоях, окруженных свитой. Ее императорское величество милостиво соизволила улыбнуться мне и грациозно протянула через окно свою ручку, которую я поцеловал³⁰.

Однако я не буду останавливаться на дальнейших подробностях, потому что приберегаю их для почти готового уже к печати более обширного труда, который будет заключать в себе общее описание этой империи со времени ее основания, историю ее монархов в течение длинного ряда веков, наблюдения относительно их войн и политики, законов, науки и религии этой страны; ее растений и животных; нравов и обычаев ее обитателей и других весьма любопытных и поучительных материй. В настоящее же время моя главная цель заключается в изложении событий, которые произошли в этом государстве во время почти девятимесячного моего пребывания в нем.

Однажды утром, спустя две недели после

³⁰ «Ее императорское величество...» — Имеется в виду королева Анна, правившая Англией в 1702–1714 гг.

моего освобождения, ко мне приехал, в сопровождении только одного лакея, Рельдресель, главный секретарь (как его титулуют здесь) по тайным делам. Приказав кучеру ожидать в сторонке, он попросил меня уделить ему один час и выслушать его. Я охотно согласился на это из уважения к его сану и личным достоинствам, а также принимая во внимание многочисленные услуги, оказанные им мне при дворе. Я изъявил готовность лечь на землю, чтобы его слова могли легче достигать моего уха, но он предпочел, чтобы во время нашего разговора я держал его в руке. Прежде всего он поздравил меня с освобождением, заметив, что в этом деле и ему принадлежит некоторая заслуга; он прибавил, однако, что если бы не теперешнее положение вещей при дворе, я, пожалуй, не получил бы так скоро свободы. Каким бы блестящим ни казалось иностранцу наше положение, сказал секретарь, однако над нами тяготеют два страшных зла: жесточайшие раздоры партий внутри страны и угроза нашествия могущественного внешнего врага.

Что касается первого зла, то надо вам сказать, что около семидесяти лун тому назад³¹ в империи

³¹ «...около семидесяти лун тому назад...» — Здесь, по-видимому, надо понимать «семьдесят лет тому назад», то есть, если первое путешествие Гулливера происходило в 1699 г., это 1629 г., на который приходится начало конфликта между Карлом I и народом, завершившегося гражданской войной, революцией и казнью короля.

образовались две враждующие партии, известные под названием Тремексенов и Слемексенов³², от высоких и низких каблуков на башмаках, при помощи которых они отличаются друг от друга. Утверждают, что высокие каблуки всего более согласуются с нашим древним государственным укладом, однако, как бы там ни было, его величество постановил, чтобы в правительственных должностях, а также во всех должностях, раздаваемых короной, употреблялись только низкие каблуки, на что вы, наверное, обратили внимание. Вы, должно быть, заметили также, что каблуки на башмаках его величества на один дрерр ниже, чем у всех придворных (дрерр равняется четырнадцатой части дюйма). Ненависть между этими двумя партиями доходит до того, что члены одной не станут ни есть, ни пить, ни разговаривать с членами другой. Мы считаем, что тремексены, или Высокие Каблуки, превосходят нас числом, хотя власть всецело принадлежит нам³³. Но мы опасаемся, что

32 «...две враждующие партии... Тремексенов и Слемексенов...» — тори и виги. Пристрастие императора к низким каблукам — знак его покровительства партии вигов.

33 «...тремексены... превосходят нас числом, хотя власть всецело принадлежит нам.» — Виги способствовали воцарению Георга I и потому во время его царствования

его императорское высочество, наследник престола, имеет некоторое расположение к Высоким Каблукам; по крайней мере, не трудно заметить, что один каблук у него выше другого, вследствие чего походка его высочества прихрамывающая³⁴. И вот, среди этих междоусобиц, в настоящее время нам грозит нашествие с острова Блефуску — другой великой империи во вселенной, почти такой же обширной и могущественной, как империя его величества. И хотя вы утверждаете, что на свете существуют другие королевства и государства, населенные такими же громадными людьми, как вы, однако наши философы сильно сомневаются в этом: они скорее готовы допустить, что вы упали с луны или с какой-нибудь звезды, так как

находились у власти, поддерживаемые буржуазией и той частью аристократии, которая держала в своих руках парламент. Хотя тори превосходили вигов численностью, среди них не было единства, так как часть их была на стороне якобитов, стремившихся восстановить на троне династию Стюартов.

34 «...походка его высочества прихрамывающая.» — Враждебность принца Уэльского к отцу и к вигам была притчей во языцех. Искусный интриган, он искал поддержку у лидеров тори и у тех вигов, которые чувствовали себя обойденными. Став королем, он обманул их надежды и оставил во главе министерства Роберта Уолпола.

несомненно, что сто смертных вашего роста в самое короткое время могли бы истребить все плоды и весь скот владений его величества. Кроме того, наши летописи за шесть тысяч лун не упоминают ни о каких других странах, кроме двух великих империй — Лилипутии и Блефуску. Итак, эти две могущественные державы ведут между собой ожесточеннейшую войну в продолжение тридцати шести лун. Поводом к войне послужили следующие обстоятельства. Всеми разделяется убеждение, что вареные яйца при употреблении их в пищу испокон веков разбивались с тупого конца; но дед нынешнего императора, будучи ребенком, порезал себе палец за завтраком, разбивая яйцо означенным древним способом. Тогда император, отец ребенка, обнародовал указ, предписывающий всем его подданным под страхом строгого наказания разбивать яйца с острого конца³⁵. Этот закон до такой степени озлобил население, что, по словам наших летописей, был причиной шести восстаний, во время которых один император потерял жизнь, а

35 «...разбивать яйца с острого конца.» — Вражда между тупоконечниками и остроконечниками — это аллегорическое изображение борьбы между католиками и протестантами, заполнившей историю Англии, Франции и других стран войнами, восстаниями, казнями.

другой — корону ³⁶. Мятежи эти постоянно разжигались монархами Блефуску, а после их подавления изгнанники всегда находили приют в этой империи. Насчитывают до одиннадцати тысяч фанатиков, которые в течение этого времени пошли на казнь, лишь бы не разбивать яйца с острого конца. Были напечатаны сотни огромных томов, посвященных этой полемике, но книги Тупоконечников давно запрещены, и вся партия лишена законом права занимать государственные должности. В течение этих смут императоры Блефуску часто через своих посланников делали нам предостережения, обвиняя нас в церковном расколе путем нарушения основного догмата великого нашего пророка Люстрога, изложенного в пятьдесят четвертой главе Блундекраля (являющегося их Алькораном). Между тем это просто насильственное толкование текста, подлинные слова которого гласят: Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее. Решение же вопроса: какой конец признать более удобным, по моему скромному

³⁶ «...один император потерял жизнь, а другой — корону.» — Имеются в виду Карл I Стюарт, казненный в 1649 г., и Иаков II Стюарт, свергнутый с престола и изгнанный из Англии после революции 1688 г.

суждению, должно быть предоставлено совести каждого или, в крайнем случае, власти верховного судьи империи ³⁷. Изгнанные Тупоконечники возымели такую силу при дворе императора Блефуску и нашли такую поддержку и поощрение со стороны своих единомышленников внутри нашей страны, что в течение тридцати шести лун оба императора ведут кровавую войну с переменным успехом. За это время мы потеряли сорок линейных кораблей и огромное число мелких судов с тридцатью тысячами лучших моряков и солдат ³⁸; полагают, что потери неприятеля еще значительнее. Но, несмотря на это, неприятель снарядил новый многочисленный флот и готовится высадить десант на нашу территорию. Вот почему его императорское величество, вполне доверяясь

³⁷ «...власти верховного судьи империи.» — Намек, на акт (закон) о веротерпимости, изданный в Англии в 1689 г. и прекративший преследование религиозной секты диссентеров.

³⁸ «...мы потеряли сорок линейных кораблей...» — В памфлете «Поведение союзников» (1711) Свифт осудил войну с Францией. Англия несла в ней большие потери, и война тяжелым бременем ложилась на народ. Эту войну поддерживали виги и командующий английской армией герцог Мальборо.

вашей силе и храбрости, повелел мне сделать настоящее изложение наших государственных дел.

Я просил секретаря засвидетельствовать императору мое нижайшее почтение и довести до его сведения, что, хотя мне, как иностранцу, не следовало бы вмешиваться в раздоры партий, тем не менее я готов, не щадя своей жизни, защищать его особу и государство от всякого иноземного вторжения.

Глава 5

Автор благодаря чрезвычайно остроумной выдумке предупреждает нашествие неприятеля. Его жалуют высоким титулом. Являются послы императора Блефуску и просят мира. Пожар в покоях императрицы вследствие неосторожности и придуманный автором способ спасти остальную часть дворца

Империя Блефуску есть остров, расположенный на северо-северо-восток от Лилипутии и отделенный от нее лишь проливом, шириною в восемьсот ярдов. Я еще не видел этого острова; узнав же о предполагаемом нашествии, старался не показываться в той части берега из

опасения быть замеченным с кораблей неприятеля, который не имел никаких сведений о моем присутствии, так как во время войны всякие сношения между двумя империями были строго запрещены под страхом смертной казни и наш император наложил эмбарго на выход всех без исключения судов из гаваней. Я сообщил его величеству составленный мною план захвата всего неприятельского флота, который, как мы узнали от наших разведчиков, стоял на якоре, готовый поднять паруса при первом попутном ветре. Я осведомился у самых опытных моряков относительно глубины пролива, часто ими измерявшейся, и они сообщили мне, что при высокой воде глубина эта в средней части пролива равняется семидесяти глумглефам, — что составляет около шести европейских футов, — во всех же остальных местах она не превышает пятидесяти глумглеффов. Я отправился на северо-восточный берег, расположенный напротив Блефуску, лег за бугорком и направил свою подзорную трубу на стоявший на якоре неприятельский флот, в котором насчитал до пятидесяти боевых кораблей и большое число транспортов. Возвратившись домой, я приказал (у меня было на то полномочие) доставить мне как можно больше самого крепкого каната и железных брусьев. Канат оказался толщиною в бечевку, а

брусья величиной в нашу вязальную иголку. Чтобы придать этому канату большую прочность, я свил его втрое и с тою же целью скрутил вместе по три железных бруска, загнув их концы в виде крючков. Прикрепив пятьдесят таких крючков к такому же числу веревок, я возвратился на северо-восточный берег и, сняв с себя кафтан, башмаки и чулки, в кожаной куртке вошел в воду за полчаса до прилива. Сначала я быстро двинулся вброд, а у середины проплыл около тридцати ярдов, пока снова не почувствовал под собою дно; таким образом, меньше чем через полчаса я достиг флота.

Увидев меня, неприятель пришел в такой ужас, что попрыгал с кораблей и поплыл к берегу, где его собралось не менее тридцати тысяч. Тогда, вынув свои снаряды и зацепив нос каждого корабля крючком, я связал все веревки в один узел. Во время этой работы неприятель осыпал меня тучей стрел, и многие из них вонзились мне в руки и лицо. Помимо ужасной боли, они сильно мешали моей работе. Больше всего я боялся за глаза и наверное лишился бы их, если бы не придумал тотчас же средства для защиты. Среди других необходимых мне мелочей у меня сохранились очки, которые я держал в секретном кармане, ускользнувшем, как я уже заметил выше, от внимания императорских досмотрщиков. Я надел эти очки и крепко привязал их. Вооружась таким

образом, я смело продолжал работу, несмотря на стрелы неприятеля, которые хотя и попадали в стекла очков, но не причиняли им особого вреда. Когда все крючки были прилажены, я взял узел в руку и начал тащить; однако ни один из кораблей не тронулся с места, потому что все они крепко держались на якорях. Таким образом, мне оставалось совершить самую опасную часть моего предприятия. Я выпустил веревки и, оставя крючки в кораблях, смело обрезал ножом якорные канаты, причем более двухсот стрел угодило мне в лицо и руки. После этого я схватил связанные в узел веревки, к которым были прикреплены мои крючки, и легко потащил за собою пятьдесят самых крупных неприятельских военных кораблей³⁹.

Блефускуанцы, не имевшие ни малейшего представления о моих намерениях, сначала от изумления растерялись. Увидя, как я обрезаю якорные канаты, они подумали, что я собираюсь пустить корабли на волю ветра и волн или столкнуть их друг с другом; но когда весь флот двинулся в порядке, увлекаемый моими веревками,

³⁹ «...и легко потащил за собою пятьдесят самых крупных неприятельских военных кораблей.» — Свифт имеет в виду условия Утрехтского мира между Англией, и Францией, обеспечивавшие господство Англии на морях.

они пришли в неопишное отчаяние и стали оглашать воздух горестными воплями. Оказавшись вне опасности, я остановился, чтобы вынуть из рук и лица стрелы и натереть пораненные места упомянутой ранее мазью, которую лилипуты дали мне при моем прибытии в страну. Потом я снял очки и, обождав около часа, пока спадет вода, перешел вброд середину пролива и благополучно прибыл с моим грузом в императорский порт Лилипутии. Император и весь его двор стояли на берегу в ожидании исхода этого великого предприятия. Они видели корабли, приближавшиеся широким полумесяцем, но меня не замечали, так как я по грудь был в воде. Когда я проходил середину пролива, их беспокойство еще более увеличилось, потому что я погрузился в воду по шею. Император решил, что я утонул и что неприятельский флот приближается с враждебными намерениями. Но скоро его опасения исчезли. С каждым шагом пролив становился мельче, и меня можно было даже слышать с берега. Тогда, поднимая вверх конец веревок, к которым был привязан флот, я громко закричал: «Да здравствует могущественнейший император Лилипутии!» Когда я ступил на берег, великий монарх осыпал меня всяческими похвалами и тут же пожаловал мне титул нардака, самый высокий в государстве.

Его величество выразил желание, чтобы я

нашел случай захватить и привести в его гавани все остальные корабли неприятеля. Честолюбие монархов так безмерно, что император задумал, по-видимому, не больше не меньше, как обратить всю империю Блефуску в собственную провинцию и управлять ею через своего наместника, истребив укрывающихся там Тупоконечников и принудив всех блефускуанцев разбивать яйца с острого конца, вследствие чего он стал бы единственным властителем вселенной. Но я всячески старался отклонить императора от этого намерения, приводя многочисленные доводы, подсказанные мне как политическими соображениями, так и чувством справедливости; в заключение я решительно заявил, что никогда не соглашусь быть орудием порабощения храброго и свободного народа. Когда этот вопрос поступил на обсуждение государственного совета, то самые мудрые министры оказались на моей стороне⁴⁰.

Мое смелое и откровенное заявление до такой

⁴⁰ «...обратить всю империю Блефуску в собственную провинцию...» — Английский полководец герцог Мальборо и его сторонники — виги — считали вполне возможным полное покорение Франции. Против этого выступали тори, требовавшие заключения мира. На это намекают слова Гулливера: «Самые мудрые министры оказались на моей стороне».

степени противоречило политическим планам его императорского величества, что он никогда не мог простить мне его. Его величество очень искусно дал понять это в совете, где, как я узнал, мудрейшие его члены были, по-видимому, моего мнения, хотя и выражали это только молчанием; другие же, мои тайные враги, не могли удержаться от некоторых замечаний, косвенным образом направленных против меня. С этого времени со стороны его величества и злобствующей против меня группы министров начались происки, которые менее чем через два месяца едва не погубили меня окончательно. Так, величайшие услуги, оказываемые монархам, не в силах перетянуть на свою сторону чашу весов, если на другую бывает положен отказ в потворстве их страстям.

Спустя три недели после описанного подвига от императора Блефуску прибыло торжественное посольство с покорным предложением мира, каковой вскоре был заключен на условиях, в высшей степени выгодных для нашего императора, но я не буду утомлять ими внимание читателя. Посольство состояло из шести посланников и около пятисот человек свиты; кортеж отличался большим великолепием и вполне соответствовал величию монарха и важности миссии. По окончании мирных переговоров, в которых я благодаря моему тогдашнему действительному или, по крайней мере,

кажущемуся влиянию при дворе оказал немало услуг посольству, их превосходительства, частным образом осведомленные о моих дружественных чувствах, удостоили меня официальным посещением. Они начали с любезностей по поводу моих храбрости и великодушия, затем от имени императора пригласили посетить их страну и, наконец, попросили показать им несколько примеров моей удивительной силы, о которой они слышались столько чудесного. Я с готовностью согласился исполнить их желание, но не стану утомлять читателя описанием подробностей.

Позабавив в течение некоторого времени их превосходительства к большому их удовольствию и удивлению, я попросил послов засвидетельствовать мое глубокое почтение его величеству, их повелителю, слава о доблестях которого по справедливости наполняла весь мир восхищением, и передать мое твердое решение лично посетить его перед возвращением в мое отечество. Вследствие этого в первой же аудиенции у нашего императора я попросил его соизволения на посещение блефускуанского монарха; император хотя и дал свое согласие, но высказал при этом явную ко мне холодность, причину которой я не мог понять до тех пор, пока одно лицо не сказала мне по секрету, что Флимнап и Болголам изобразили перед императором мои сношения с посольством как акт

нелояльности, хотя я могу поручиться, что совесть моя в этом отношении была совершенно чиста. Тут впервые у меня начало складываться некоторое представление о том, что такое министры и дворы⁴¹.

Необходимо заметить, что послы разговаривали со мною при помощи переводчика. Язык блефускуанцев настолько же отличается от языка лилипутов, насколько разнятся между собою языки двух европейских народов. При этом каждая из этих наций гордится древностью, красотой и выразительностью своего языка, относясь с явным презрением к языку своего соседа. И наш император, пользуясь преимуществами своего положения, созданного захватом неприятельского флота, обязал посольство представить верительные грамоты и вести переговоры на лилипутском языке. Впрочем, надо заметить, что оживленные торговые сношения между двумя государствами,

⁴¹ «...изобразили перед императором мои сношения с посольством как акт нелояльности...» — Здесь намек на Болинброка и его тайные переговоры с Францией о заключении сепаратного мира (кроме Англии, в войне против Франции за испанское наследство участвовали Австрия и Голландия). Обвиненный Уолполом в том, что он предает интересы страны ради партийных целей, бывший министр Болинброк, не дожидаясь суда, бежал во Францию.

гостеприимство, оказываемое изгнанникам соседнего государства как Лилипутией, так и Блефуску, а также обычай посылать молодых людей из знати и богатых помещиков к соседям с целью отшлифоваться, посмотрев свет и ознакомившись с жизнью и нравами людей, приводят к тому, что здесь редко можно встретить образованного дворянина, моряка или купца из приморского города, который бы не говорил на обоих языках. В этом я убедился через несколько недель, когда отправился засвидетельствовать свое почтение императору Блефуску. Среди великих несчастий, постигших меня благодаря злобе моих врагов, это посещение оказалось для меня очень благодетельным, о чем я расскажу в своем месте.

Читатель, может быть, помнит, что в числе условий, на которых мне была дарована свобода, были очень для меня унижительные и неприятные, и только крайняя необходимость заставила меня принять их. Но теперь, когда я носил титул нардака, самый высокий в империи, взятые мной обязательства роняли бы мое достоинство, и, надо отдать справедливость императору, он ни разу мне о них не напомнил. Однако незадолго перед тем мне представился случай оказать его величеству, как, по крайней мере, мне тогда казалось, выдающуюся услугу. Раз в полночь у дверей моего жилища раздались крики тысячной толпы; я в ужасе

проснулся и услышал непрестанно повторяемое слово «борглум». Несколько придворных, пробившись сквозь толпу, умоляли меня явиться немедленно во дворец, так как покои ее императорского величества были объаты пламенем по небрежности одной фрейлины, которая заснула за чтением романа, не погасив свечи. В один миг я был на ногах. Согласно отданному приказу, дорогу для меня очистили; кроме того, ночь была лунная, так что мне удалось добраться до дворца, никого не растоптав по пути. К стенам горевших покоев уже были приставлены лестницы и было принесено много ведер, но вода была далеко. Ведра эти были величиной с большой наперсток, и бедные лилипуты с большим усердием подавали их мне; однако пламя было так сильно, что это усердие приносило мало пользы. Я мог бы легко потушить пожар, накрыв дворец своим кафтаном, но, к несчастью, я второпях успел надеть только кожаную куртку. Дело казалось в самом плачевном и безнадежном положении, и этот великолепный дворец, несомненно, сгорел бы дотла, если бы благодаря необычному для меня присутствию духа я внезапно не придумал средства спасти его. Накануне вечером я выпил много превосходнейшего вина, известного под названием «лимигрим» (блефускуанцы называют его «флюнек»), но наши сорта выше), которое

отличается сильным мочегонным действием. По счастливейшей случайности я еще ни разу не облегчился от выпитого. Между тем жар от пламени и усиленная работа по его тушению подействовали на меня и обратили вино в мочу; я выпустил ее в таком изобилии и так метко, что в какие-нибудь три минуты огонь был совершенно потушен, и остальные части величественного здания, воздвигавшегося трудом нескольких поколений, были спасены от разрушения.

Между тем стало совсем светло, и я возвратился домой, не ожидая благодарности от императора, потому что хотя я оказал ему услугу великой важности, но не знал, как его величество отнесется к способу, каким она была оказана, особенно если принять во внимание основные законы государства, по которым никто, в том числе и самые высокопоставленные особы, не имел права мочиться в ограде дворца, под страхом тяжелого наказания. Однако меня немного успокоило сообщение его величества, что он прикажет великому юстициарию вынести официальное постановление о моем помиловании, которого, впрочем, я никогда не добился. С другой стороны, меня конфиденциально уведомили, что императрица, страшно возмущенная моим поступком, переселилась в самую отдаленную часть дворца, твердо решив не отстраивать прежнего

своего помещения; при этом она в присутствии своих приближенных поклялась отомстить мне⁴².

Глава 6

О жителях Лилипутии; их наука, законы и обычаи; система воспитания детей. Образ жизни автора в этой стране. Реабилитирование им одной знатной дамы

Хотя подробному описанию этой империи я

42 «...поклялась отомстить мне.» — Королева Анна была столь возмущена «безнравственностью» нападок на церковь в сатирической «Сказке бочки», что, забыв о политических услугах Свифта ее министерству, вняла советам высшего духовенства и отказалась предоставить ему должность епископа. Свифт здесь осмеивает предрассудки королевы и придворных дам. В этой главе Гулливер больше уже не любознательный путешественник по незнакомой стране — он излагает теории и мысли самого Свифта.

Как отмечают многие исследователи, эта глава расходится с сатирическим характером всего описания Лилипутии, так как здесь описываются разумные установления этой страны. Заметив это несоответствие, Свифт сам счел нужным далее оговорить, что таковы были древние законы Лилипутии, не имеющие ничего общего с «современною испорченностью нравов, являющейся результатом глубокого вырождения».

намерен посвятить особое исследование, тем не менее для удовлетворения любознательного читателя я уже теперь выскажу о ней несколько общих замечаний. Средний рост туземцев немного выше шести дюймов, и ему точно соответствует величина как животных, так и растений: например, лошади и быки не бывают там выше четырех или пяти дюймов, а овцы выше полутора дюймов; гуси равняются нашему воробью, и так далее вплоть до самых крохотных созданий, которые были для меня почти невидимы. Но природа приспособила зрение лилипутов к окружающим их предметам: они хорошо видят, но на небольшом расстоянии. Вот представление об остроте их зрения по отношению к близким предметам: большое удовольствие доставило мне наблюдать повара, ошипывавшего жаворонка, величиной не больше нашей мухи, и девушку, вдевавшую шелковинку в ушко невидимой иголки. Самые высокие деревья в Лилипутии не больше семи футов; я имею в виду деревья в большом королевском парке, верхушки которых я едва мог достать, протянув руку. Вся остальная растительность имеет соответственные размеры; но я предоставляю самому читателю произвести расчеты.

Сейчас я ограничусь лишь самыми беглыми замечаниями об их науке, которая в течение веков процветает у этого народа во всех отраслях.

Обращу только внимание на весьма оригинальную манеру их письма: лилипуты пишут не так, как европейцы — слева направо, не так, как арабы — справа налево, не так, как китайцы — сверху вниз, но как английские дамы — наискось страницы, от одного ее угла к другому.

Лилипуты хоронят умерших, кладя тело головою вниз, ибо держатся мнения, что через одиннадцать тысяч лун мертвые воскреснут; и так как в это время земля (которую лилипуты считают плоской) перевернется вверх дном, то мертвые при своем воскресении окажутся стоящими прямо на ногах. Ученые признают нелепость этого верования; тем не менее в угоду простому народу обычай сохраняется и до сих пор.

В этой империи существуют весьма своеобразные законы и обычаи, и, не будь они полной противоположностью законам и обычаям моего любезного отечества, я попытался бы выступить их защитником. Желательно только, чтобы они строго применялись на деле. Прежде всего укажу на закон о доносчиках⁴³. Все государственные преступления караются здесь

43 «...закон о доносчиках.» — *Шпионаж широко насаждался в Англии в царствование Георга I из страха перед якобитами, стремившимися свергнуть короля.*

чрезвычайно строго; но если обвиняемый докажет во время процесса свою невиновность, то обвинитель немедленно подвергается позорной казни, и с его движимого и недвижимого имущества взыскивается в четырехкратном размере в пользу невинного за потерю времени, за опасность, которой он подвергался, за лишения, испытанные им во время тюремного заключения, и за все расходы, которых ему стоила защита. Если этих средств окажется недостаточно, они щедро дополняются за счет короны. Кроме того, император жалует освобожденного каким-нибудь публичным знаком своего благоволения, и по всему государству объявляется о его невиновности.

Лилипуты считают мошенничество более тяжким преступлением, чем воровство, и потому только в редких случаях оно не наказывается смертью. При известной осторожности, бдительности и небольшой дозе здравого смысла, рассуждают они, всегда можно уберечь имущество от вора, но у честного человека нет защиты от ловкого мошенника; и так как при купле и продаже постоянно необходимы торговые сделки, основанные на кредите и доверии, то в условиях, когда существует попустительство обману и он не наказывается законом, честный коммерсант всегда страдает, а плут окажется в выигрыше. Я вспоминаю, что однажды я ходатайствовал перед

монархом за одного преступника, который обвинялся в хищении большой суммы денег, полученной им по поручению хозяина, и в побеге с этими деньгами; когда я выставил перед его величеством как смягчающее вину обстоятельство то, что в данном случае было только злоупотребление доверием, император нашел чудовищным, что я привожу в защиту обвиняемого довод, как раз отягчающий его преступление; на это, говоря правду, мне нечего было возразить, и я ограничился шаблонным замечанием, что у различных народов различные обычаи; надо признаться, я был сильно сконфужен.

Хотя мы и называем обыкновенно награду и наказание двумя шарнирами, на которых вращается вся правительственная машина, но нигде, кроме Лилипутии, я не встречал применения этого принципа на практике. Всякий представивший достаточное доказательство того, что он в точности соблюдал законы страны в течение семи лун, получает там право на известные привилегии, соответствующие его званию и общественному положению, и ему определяется соразмерная денежная сумма из фондов, специально на этот предмет назначенных; вместе с тем такое лицо получает титул снильпела, то есть блюстителя законов; этот титул прибавляется к его фамилии, но не переходит в потомство. И когда я рассказал

лилипутам, что исполнение наших законов гарантируется только страхом наказания и нигде не упоминается о награде за их соблюдение, лилипуты сочли это огромным недостатком нашего управления. Вот почему в здешних судебных учреждениях справедливость изображается в виде женщины с шестью глазами — два спереди, два сзади и по одному с боков, — что означает ее бдительность; в правой руке она держит открытый мешок золота, а в левой — меч в ножнах в знак того, что она готова скорее награждать, чем карать⁴⁴.

При выборе кандидатов на любую должность больше внимания обращается на нравственные качества, чем на умственные дарования. Лилипуты думают, что раз уж человечеству необходимы правительства, то все люди, обладающие средним умственным развитием, способны занимать ту или другую должность, и что провидение никогда не имело в виду создать из управления общественными делами тайну, в которую способны проникнуть только весьма немногие великие гении, рождающиеся не более трех в столетие. Напротив,

⁴⁴ «...меч в ножнах...» — Обычно богиня правосудия изображалась с обнаженным мечом, грозящим карой преступникам.

они полагают, что правдивость, умеренность и подобные качества доступны всем и что упражнение в этих добродетелях вместе с опытностью и добрыми намерениями делают каждого человека пригодным для служения своему отечеству в той или другой должности, за исключением тех, которые требуют специальных знаний. По их мнению, самые высокие умственные дарования не могут заменить нравственных достоинств, и нет ничего опаснее поручения должностей даровитым людям, ибо ошибка, совершенная по невежеству человеком, исполненным добрых намерений, не может иметь таких роковых последствий для общественного блага, как деятельность человека с порочными наклонностями, одаренного умением скрывать свои пороки, умножать их и безнаказанно предаваться им.

Точно так же неверие в божественное провидение делает человека непригодным к занятию общественной должности⁴⁵. И в самом деле, лилипуты думают, что раз монархи называют

⁴⁵ «...неверие в божественное провидение...» — Лица, состоявшие на государственной службе и занимавшие общественные должности, обязаны были в Англии посещать церковь и совершать все религиозные обряды.